

ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 39 (1944)

20 сентября 1964

В НОМЕРЕ:

Со всех концов страны идут эшелоны с зерном нового урожая на Московский мельничный комбинат имени Цюрупы.

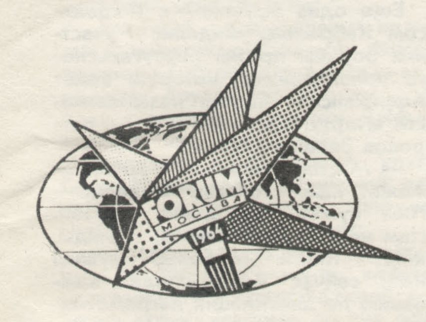
Фото А. БОЧИНИНА.

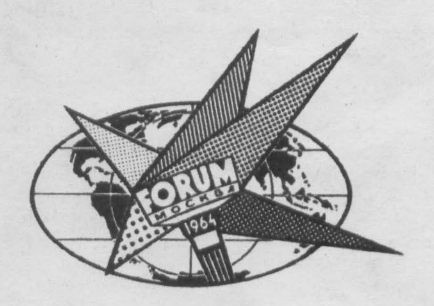
16 сентября в Кремлевском Дворце съездов торжественно открылся Всемирный форум молодежи.

Бурей аплодисментов встретили посланцы пяти континентов появление в правительственной ложе Н. С. Хрущева и других руководителей Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства.

Фото Т. Мельника.

ЮНОСТЬ МИРА СМЫКАЕТ РЯДЫ

ФАКЕ
СОЛИДАРНО

Генрих ГУРКОВ,
Александр СЕРБИН,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Аэропорт Карраско в Монтевидео. Необычно много полицейских с саблями и дубинками. Что происходит? А вот что. Правительство Уругвая, выполняя команду, поступившую из США, разорвало дипломатические отношения с Кубой и высылает кубинских дипломатов. Полиция мобилизована не случайно: тысячи людей собрались у здания аэровокзала. Они принесли кубинские и уругвайские флаги. В одной из машин установлен громкоговоритель, и над площадью разносятся звуки «Гимна 26 июля». «Вас высылает не народ! Правительство — вот предатель!» — скандируют уругвайцы.

Это — солидарность.

...По земле, обожженной солнцем, медленно движется человек. У него в руках миноискатель. Под ногами затаилась смерть. Человеку двадцать лет, и он родом с Полтавщины. А сюда, в Алжир, он приехал, чтобы кормилицей, а не убийцей стала эта земля, чтобы прошел по ней крестьянский плуг и, смеясь, бегали дети. Взрыва не будет.

Это — солидарность.

...В Мали болгарские архитекторы помогают строить новый Бамако... В Лондоне молодые рабочие и студенты пикетируют посольство ЮАР, требуя освободить политзаключенных из расистских тюрем... Из Хиросимы на весь мир прозвучал призыв представителей многих стран мира: «Не допустим новой ядерной катастрофы! Объединим наши усилия в борьбе против войны!»

Это — солидарность.

Очень много значений у этого слова. В великих событиях двадцатого столетия, меняющих лицо планеты, в буре социальных и национально-освободительных революций человечество познало цену солидарности.

Солидарность. Единство действий. Ради этого приехали в Москву, на Всемирный форум молодежи и студентов, более тысячи делегатов из ста двадцати стран.

...В Венесуэле Фронтом национального освобождения выпущен плакат. На нем лозунг патриотов: «Освободить родину или умереть за Венесуэлу!».

Может быть, в это самое время в Каракасе усердный полицейский, чертыхаясь, отдирает от стены дома точно такой же плакат. Накануне ночью мимо этого дома цепочкой прошли несколько молодых парней. Прошли, завернули за угол и исчезли в темноте. А здесь и на доме за углом и дальше, на соседнем, остались такие плакаты. Каменные стены домов заговорили голосом патриотов, словно уже и камень не может и не хочет терпеть навязанного стране режима проамериканской диктатуры.

Полицейскому становится не по себе...

Плакат дал нам делегат Форума венесуэльский студент Роберто. Ему самому тоже приходилось шагать по ночному Каракасу, держа под полой плакаты и листовки ФНО. Сколько таких, как он, борцов за освобождение своей родины в Венесуэле? Поди сосчитай их, полицейский!

Уже третий год венесуэльские патриоты ведут вооруженную борьбу против диктатуры, отдавшей страну в кабалу американскому империализму.

Борьба рождает героев. В восточном районе страны правительственные войска стали окружать группу партизан. Надо было отходить. Двое партизан, Морено и Гонсалес, остались прикрывать отход товарищей. Они знали, что их ждет верная смерть. Но, не дрогнув, оба исполнили свой долг: погибли, обеспечив спасение отряда. Дорого продали они свои жизни. В этой операции враг потерял двадцать солдат.

В августе правительственные войска предприняли бомбардировки районов, где действуют партизаны. Самолеты и бомбы, конечно, американские. В операциях против патриотов американские военные принимают прямое участие.

Роберто говорит:

— Здесь, в Москве, мы хотим рассказать миру о нашей борьбе. Солидарность всех антиимпериалистических сил — вот наша цель на Форуме!

Еще одна встреча — с Фиделисом Кабрелом. Фиделис — участник борьбы против португальского колониализма, которую ведет Африканская партия независимости «Португальской» Гвинеи и островов Зеленого Мыса.

— Мы надеемся, что Форум поможет нам,— говорит Фиделис.— Нам нужна поддержка друзей. Нам не хватает лекарств, одежды, книг. Книги особенно нужны нам: сейчас мы проводим кампанию по ликвидации неграмотности.

Фиделис протягивает нам тетрадку — обыкновенную ученическую тетрадь в линейку, на обложке которой изображен флаг борющихся патриотов, и продолжает:

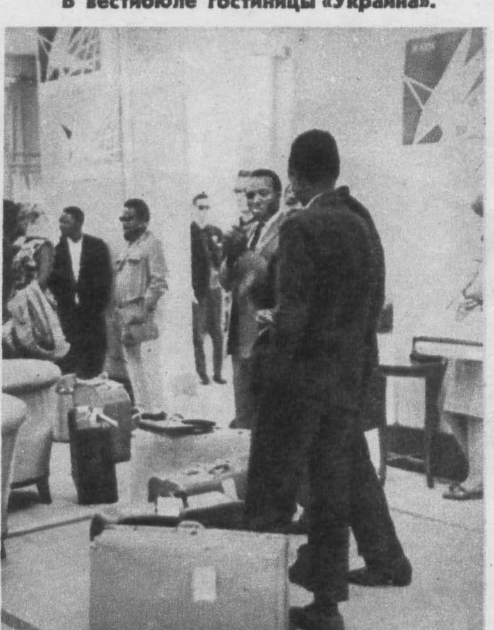
— Каждый, кто умеет читать и писать в нашей стране, становится учителем. Мой народ учится и борется одновременно. Сегодняшний учитель завтра берет в руки оружие.

Очень волнует эта простенькая тетрадка. Настоящая революция — всегда созидание.

Встречи, беседы, дискуссии...

В вестибюле гостиницы «Украина».

Что нового в мире!

/\

сти

Половина территории «Португальской» Гвинеи освобождена от колонизаторов. Здесь учатся, трудятся, здесь воспитывают людей для продолжения освободительной борьбы.

— Мы полны решимости довести ее до победного конца,—твердо произносит Фиделис.

...Большой, широкоплечий индиец в живописной чалме. Масса значков на лацкане пиджака — это подарки друзей по Форуму. А один значок, с портретом Джавахарлала Неру,— это свой.

Президент Молодежного конгресса Индии, глава индийской делегации на Всемирном форуме Пуран Сингх Азад говорит:

— Главная задача нашей делегации на Форуме — найти вместе со всеми пути и средства освобождения стран, которые до сих пор не смогли добиться свободы, в какой бы части света эти страны ни находились. Найти пути и средства для установления прочного мира и дружбы, для эффективной борьбы против империализма и колониализма во всех их формах. Всемирный форум молодежи и студентов поможет молодым людям из разных концов света сблизиться, выразить открыто и свободно свои взгляды и научиться понимать друг друга, даже если наши точки зрения не во всем совпадают.

Работа началась. Фото А. Узляна.

Пастор из Ганы Джекоб Стивенс—один из организаторов первого Всемирного форума молодежи и студентов 1961 года. Он представляет «молодых пионеров» Ганы. Крупнейшая организация: миллион членов. Вот что он сказал нам:

— Гана — страна молодая, развивающаяся. Встретиться и обменяться опытом строительства и борьбы очень важно для нас. И, конечно, наш долг заявить о солидарности с народами, еще не добившимися независимости. Форум очень представительный. И по числу делегатов и по тому, кто их послал. Что касается Африки, то она вся здесь. Как пройдет Форум? Я настроен в высшей степени оптимистически. Уверен в успехе.

Нам показали некоторые из писем, полученных Международным подготовительным комитетом. Форум поддержали президент Республики Мали Модибо Кейта, глава государства Камбоджи Нородом Сианук, премьер-министр Цейлона Сиримаво Бандаранаике, генеральный секретарь ООН У Тан, философ Бертран Рассел, писатель Жан Поль Сартр, герой Греции Манолис Глезос и многие, многие другие государственные, общественные и политические деятели мира. «Мне не шестьдесят, мне два раза по тридцать. Я не один раз старый, я два раза молодой. Я хочу, чтобы вы приняли меня в свои ряды. Я хочу быть вашим товарищем. Если молодежь скажет «нет!» несправедливой войне, войны не будет»,— пишет кубинский поэт Николас Гильен.

А были противники Форума? Разумеется. Солдаты Салазара, жандармы Кханя, ищейки Фервурда пытались преградить путь в Москву делегатам Форума.

И был еще противник Форума.

В апреле 1964 года представители Китая не захотели принять участия в работе учредительного заседания Международного подготовительного комитета (МПК). Вместо этого Всекитайская федерация молодежи разослала во многие страны письмо, содержащее грубую клевету и нападки на идею Форума.

Тем не менее, стремясь обеспечить возможно более широкое представительство молодежных организаций на Форуме, МПК зарезервировал место в Постоянном секретариате для представителя Китая. Это место оставалось пустым все время, пока шла подготовительная работа. Лишь за несколько дней до начала Форума, когда стало совершенно ясно, что огромное большинство демократических и прогрессивных организаций мира поддержало Форум и заявило о своей готовности прислать в Москву делегатов, когда стало ясно, что пекинские молодежные лидеры останутся в полной изоляции, в пожарном порядке из Пекина была направлена делегация.

Она несколько своеобразно включилась в деятельность МПК. Вместо делового сотрудничества, конструктивных предложений — пустое препирательство, откровенная обструкция, попытки увести Форум от обсуждения главных проблем, не допустить его успеха.

Но победе Форума ничто не сможет помешать.

Факел солидарности, зажженный в Москве, руки юных пронесут по всему миру.

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР нашу страну посетил Президент Республики Индии доктор Сарвапалли Радхакришнан.

Высокий гость встретился с Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым и Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном, совершил поездку по городам Советского Союза.

В своих выступлениях Президент выразил уверенность в том, что дружба великих народов Республики Индии и Советского Союза будет еще больше крепнуть и развиваться, что эта дружба является залогом мира.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев и Президент Республики Индии доктор Сарвапалли Радхакришнан в Кремле.

Фото А. Устинова.

15 сентября в Советский Союз прибыл Премьер-Министр Объединенной Арабской Республики Али Сабри. В этот же день гость с берегов Нила был принят Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым и нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну.

В Грановитой палате Большого Кремлевского дворца правительство СССР устроило обед в честь Премьер-Министра ОАР. Приветствуя гостей, Н. С. Хрущев сказал:

«Дружба между нашими странами имеет прочный фундамент. Она основана на общности наших интересов в антиимпериалистической и антиколониальной борьбе, в борьбе за мир и международную безопасность, в борьбе за социальный и экономический прогресс».

На снимке: прием Н. С. Хрущевым Премьер-Министра Объединенной Арабской Республики Али Сабри.

Фото А. Гостева.

В день, когда французский город Дижон отметил двадцатилетие освобождения от немецко-фашистских оккупантов, советские люди приветствовали у себя в гостях мэра этого города каноника Ф. Кира.

Видного общественного деятеля Франции принял Н. С. Хрущев.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с гитлеризмом, Президиум Верховного Совета СССР наградил Феликса Кира орденом Отечественной войны I степени.

На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян поздравляет каноника Ф. Кира с наградой.

Фото А. Устинова.

Сцена из спектакля.

СВЕТЛАЯ ОДЕРЖИМОСТЬ

В Рязанском драматическом театре с успехом идет пьеса «Одержимая». Она написана Николаем Шундиком, автором популярных романов «Быстроногий олень» и «Родник у березы».

Кончилась война в сорок пятом... Скоро двадцать лет. Кажется, целая вечность.

В «Одержимой» нет войны. Мирно, почти идиллически выглядит начало спектакля. Ослепительны стволы березок. Звучит песня женского хора. Глаша задумчиво вслушивается в песню. Увидев кого-то, прячется за березу... Это ее, Глашу, считают одержимой. И она на самом деле одержима любовью к жизни, к земле, к людям. Вера в то, что человек может быть лучше, что все злое неправомерно и истребимо, что жизнь — для человека, а человек—для народа, придает Глаше полноту бытия.

Глаша — наш современник, человек, нераздельно связавший личное и общественное, активно способствующий поступательному движению жизни.

Преданность всему лучшему, что было, вера в грядущее, радость сегодняшних свершений украшают героиню актрисы Ольги Марьяновой и увлекают зрителя, который благодарен драматургу и театру за эстетическое наслаждение, доставленное светлой и доброй мыслью.

М. ЛЕВИН

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В 1965 ГОДУ ВЫЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК»:

I

24 КНИГИ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

1. Александра Малышкина в 2 томах:

Том первый.— Рассказы; повести «Падение Даира», «Севастополь».
Том второй.— Рассказы и очерки; роман «Люди из захолустья».

2. СИНКЛЕРА ЛЬЮИСА В 9 ТОМАХ:

Том первый.—«Главная улица».
Том второй.—«Бэббит»; «Человек, который знал Кулиджа».
Том третий.—«Эроусмит».
Том четвертый.—«Элмер Гентри».
Том пятый.—«Энн Виккерс».
Том шестой.—«У нас это невозможно»; публицистические статьи.
Том седьмой.—«Гидеон Плениш»; статьи о литературе.
Том восьмой.—«Кингсблад, потомок королей»; рассказы.
Том девятый.— «Капкан»; рассказы и очерки.

3. АЛЬФОНСА ДОДЕ В 7 ТОМАХ:

Том первый.—«Малыш»; «Письма с мельницы»; «Письма к отсутствующему»; «Жены художников».
Том второй.—«Тартарен из Тараскона» («Необычайные приключения Тартарена из Тараскона», «Тартарен на Альпах», «Порт-Тараскон»); «Рассказы по понедельникам»; «Этюды и зарисовки»; «Прекрасная Нивернезка».
Том третий.—«Фромон-младший и Рислер-старший»; «Бессмертный».
Том четвертый.—«Джек».
Том пятый.— «Набоб»; «Сафо».
Том шестой.— «Короли в изгнании»; «Нума Руместан».
Том седьмой.—«Евангелистка»; пьесы: «Арлезианка»; «Борьба за существование»; воспоминания: «Тридцать лет в Париже»; «Воспоминания литератора»; «Заметки о жизни».

4. АЛЕКСАНДРА ГРИНА В 6 ТОМАХ:

Том первый.— Ранние рассказы.
Том второй.— Ранние рассказы; феерия «Алые паруса».
Том третий.—Рассказы; повесть «Ранчо «Каменный столб»; роман «Блистающий мир».
Том четвертый.— Рассказы; романы «Золотая цепь», «Бегущая по волнам».
Том пятый.— Рассказы.
Том шестой.— Рассказы; «Автобиографическая повесть»; роман «Дорога никуда».

II

52 КНИЖКИ БИБЛИОТЕКИ «ОГОНЕК» СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему принимается в городских отделениях «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также общественными уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, РТС, учебных заведениях и учреждениях.

Редакция журнала «Огонек» и издательство «Правда» подписку не производят.

Фельетон

Фашиствующие во Христе

Союз доллара, креста и дубинки. Слева направо: Эндрюс, Харгис, Уэлч.

Бога нет. Это точно установлено наукой. И, наверное, ему же лучше, что его не было и нет. Уж больно часто брали его себе в союзники люди, для которых и сам ад был бы недостаточным наказанием за содеянные грехи. Уж больно часто именем его самые черные мракобесы прикрывали свои преступления.

Как свидетельствует священное писание, бог терпелив. Но даже его долготерпению (если бы он, разумеется, существовал) мог бы прийти конец в самый разгар золотой осени 1964 года.

Говорят, бог все видит и слышит. И до него наверняка дошли бы с Земли «откровения», имеющие к нему особое самое непосредственное отношение:

«Христос жил в мире полного рабства, но никогда не протестовал против него».

«Христос — за свободное предпринимательство».

«Бог не благословляет людей умеренного образа мыслей. Христос научил нас экстремизму, который не признает половинчатых решений».

Подобным оригинальным толкованием библии занялся американский священник Билли Харгис, 39-летний основатель, директор и главный теоретик Крестового похода христиан. Размахивая крестом и цитируя Христа, он выступил с речью на очередном съезде своей организации.

Собрался этот съезд в печально известном теперь городе Далласе. В президиуме восседали не менее печально известные американцы. По левую руку от святого отца Харгиса сидел Роберт Уэлч, основатель и глава общества Джона Бэрча, самой крупной организации американских «бешеных». Этот американский фюрер обещает в недалеком будущем захватить власть в США и истребить всех инакомыслящих. К «силам зла» Уэлч причисляет едва ли не все человечество и своих личных врагов — от Юлия Цезаря до Линдона Джонсона.

По правую руку от Билли Харгиса в президиуме съезда сидел Колеман Эндрюс, бывший крупный чиновник в администрации Эйзенхауэра, а ныне официальный пророк крайне правых, предсказавший в августе этого года, что они одержат полную победу в течение ближайших 90 дней.

Тут же, разумеется, был и генерал-фашист Эдвин Уокер, пытавшийся не так давно приказом насадить фашистскую идеологию во вверенной ему американской дивизии. Не обошлось на съезде и без священника Чарльза Полинга, который прославил себя, открыв, что даже такая душеспасительная организация, как Национальный совет церквей, продалась социализму. Ему же принадлежит фундаментальное исследование на весьма пикантную, хотя и религиозную тему: об отношениях царя Соломона с чернокожими женщинами. Бедный царь Соломон причисляется к борцам против расизма, за что и проклинается отцом Полингом.

Одним словом, компания в Далласе подобралась что надо! Но сколь бы ни были прославлены среди «бешеных» участники этого сборища, они не могли не робеть и не благоговеть под властным взглядом самого богатого в мире человека, зловещего техасского миллиардера Ханта, почтившего съезд своим присутствием. Все — от чернильницы на столе президиума до лицемерной улыбки Харгиса — давно куплено Хантом, который ныне стоит за спиной самой черной реакции в Соединенных Штатах.

И это ему, Ханту, преподнес с трибуны съезда, как самый дорогой подарок, свое новое откровение Билли Харгис: «Христос не имел морального права брать от имущих и раздавать неимущим». Ну как тут не раскошелиться Ханту в пользу тех, кто так радеет за него — в пользу харгисов, уэлчей и им подобных!

В течение трех дней съезда Харгис и его подручные предавали анафеме все, с их точки зрения, марксистские и коммунистические силы, действующие в США. В том числе борцов против расизма, комиссию по расследованию убийства Кеннеди, весь город Вашингтон в целом, президентов компаний Форда и Пепси-кола, Роберта Кеннеди, президента Джонсона...

Одних они проклинали, других прославляли. Съезд назвал сенатора Голдуотера «героем года», а Уоллеса, кровавого губернатора штата Алабама,— «патриотом года».

В заключение Харгис выразил надежду, что движение крайне правых станет религиозной силой. Трогательное единение креста, доллара и дубинки!

Религиозно-фашистский шабаш в Далласе — явление отнюдь не исключительное для современной Америки. Билли Харгис изрыгает свои проклятия и откровения по каналам 500 радиостанций страны. В ближайшее время он предполагает значительно расширить свою аудиторию, увеличив число транслирующих его радиостанций до тысячи. У Ханта денег хватит!

В. НИКОЛАЕВ

Нас встречает Ерофей Хабаров

Репортаж ведут КИМ БАКШИ И ЮРИЙ КРИВОНОСОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

КРАЙ НАШЕНСКИЙ...

АМУР. 4 ТЫСЯЧИ КИЛОМЕТРОВ СУДОХОДНОГО ПУТИ. КРАЙ КОНТРАСТОВ, ГДЕ ЮГ ВСТРЕЧАЕТСЯ С СЕВЕРОМ, СИБИРСКИЙ МЕДВЕДЬ С ТИГРОМ, ВЕТВИ ЛИСТВЕННИЦ ОПУТАНЫ ЛИАНАМИ, ГДЕ НОВЕЙШЕЕ И СВЕРХСОВРЕМЕННОЕ СОСЕДСТВУЮТ С ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТЬЮ. ЗЕМЛЯ ЭТА ИСКОННО РУССКАЯ!

Впереди и слева — сопки. Они удивительного цвета: голубые и фиолетовые, всех оттенков синего. Тяжелые облака, словно дымы лесных пожаров, охватили их подножия. Сопки толпятся, налезают друг на друга, бегут к Уссури.

Мы въезжаем в старинное село Казакевичево. Здесь Уссури впадает в Амур, возле села проходит государственная советско-китайская граница.

Казакевичево, за вычетом сопок и реки, напоминает село где-нибудь на Тамбовщине: ладно рубленные дома с палисадами, с подсолнухами и кукурузным бумажным шелестом за оградой. Типичное русское село. Да еще в самую пору уборки: вокруг — ни души. Только старик в ушанке спит на вверенном ему «объекте» — что-то вроде плота, причаленного к берегу. Да девушка, высокая, длинноногая, с хорошим, чистым и грустным лицом идет навстречу.

Что с ней? Так, ничего... Где все? А на путине. Разве не знаете? В низовье Амура на правом берегу лимана. Сколько рыбы взяли? Кто их ведает! Уехали — и ни слуху ни духу. Хоть бы телеграмму дали.

Роза Гонзир работает в рыболовецком колхозе имени Дзержинского бухгалтером. Счетным работником, как она говорит. Конечно, счетного работника не берут на путину... Хотя он все мог бы делать, как другие: и сети выбирать и уху варить. Ничего тут хитрого нет!

Мы говорим Розе, что будем в тех местах, в низовье. И если встретим ее односельчан, то что передать?

Женщина, которая подошла к нам и внимательно слушает конец разговора, толкает Розу:

— Записочку напиши, глупая, они передадут.

Счетный работник краснеет.

СТОЛИЦА АМУРА

Вы выходите из поезда, и на вокзальной площади вас встречает Ерофей Хабаров. Он, как гостеприимный дальневосточник, приглашает войти в просторный город, раскинувшийся за его спиной, познакомиться с людьми.

Дальневосточники! Люди с полетом, с размахом, под стать здешним местам. С особой приверженностью к суровому краю, где они живут, пуще глаза берегущие свою рабочую честь.

Мы видели здесь таких всюду. На хабаровском «Энергомаше». Его марка, стоящая на сверхмощных компрессорах и нагнетателях, известна на стройках большой химии, ее знают в 19 странах мира, куда идет продукция завода. Была и 20-я страна — КНР, но китайцы аннулировали выгодные для них заказы.

О дальневосточниках мы говорим с главным инженером «Амуркабеля» Владимиром Степановичем Перфиловым. Он рассказывает о том, что иностранцы — частые гости на заводе — всегда удивляются, откуда здесь такие квалифицированные кадры.

— Мы им всегда отвечаем: кадры — наши, дальневосточники. Здесь родились и окончили институты, техникумы, школы...

По цеху идет дозором Алла Сидоришина. Она родилась в Хабаровске, ее родители — потомки амурских казаков, которые осваивали эти богатые земли.

По соседству трудится Петр Пелагейченко — один из лучших рабочих «Амуркабеля». Комсомолец. Студент-заочник. Потомственный рыбак из старинного русского села Елабуги. Его деды и прадеды ловили кету в Амуре. А их внук управляет сложным современным станком на огромном заводе, откуда тысячи километров металлических нитей тянутся по всему Дальнему Востоку.

Но есть нити прочней металлических. Они связывают Аллу Сидоришину с Хабаровском, Петра Пелагейченко — с Елабугой, эмалировщицу Раю Жукову — с Бикином, а всех их вместе и их товарищей — с необозримым краем вокруг, с их родной землей, Дальним Востоком.

ДРЕВНЯЯ СПИРАЛЬ

С бурых базальтовых скал глядят на нас сквозь века загадочные лики. Фигуры животных. Странные, извивающиеся, как змеи, спиральные узоры. Кто были люди, которые высекали эти петроглифы? Где теперь их далекие потомки? Может быть, здесь, рядом, в нанайском селе Сакачи-Алян? Или они пришли издалека?

Эти вопросы не покажутся праздными, если вспомнить, что пекинские руководители говорят об исконной принадлежности Дальнего Востока Китаю.

В. П. Сысоев: 100 убитых медведей и 40 тысяч километров по тайге.

Икра — «изюминка» путины.

Ученый и путешественник, член-корреспондент Академии наук СССР А. П. Окладников установил, что древними обитателями Амура были предки нанайцев, что первобытный спиральный узор эпохи каменного топора — это типичный нанайский мотив. Он бытует и сегодня. Достаточно посмотреть на украшение современных нанайских халатов и берестяных коробочек. Сложные нанайские орнаменты и сегодня сплетаются, образуя лики, подобные тем, что смотрят на нас с базальтов Сакачи-Аляна.

Об открытиях А. П. Окладникова нам рассказывает Всеволод Петрович Сысоев, краевед, биолог и отличный охотник. На его счету сто убитых медведей и сорок тысяч километров, пройденных по амурским протокам, тайге, сопкам, по снегу и болотам. Мы застали Всеволода Петровича в Хабаровске случайно. Завтра он уезжает в Нанайский район. Вместе с ним на далекую теплую речку Немпту отправляются «переселенцы» — 64 бобра из Белоруссии.

Сысоев рассказывает нам о далеких временах. О быте, нравах и обычаях племен, населявших бассейн Амура,— нанайцев, удэгейцев, нивхов и др. Об их замечательном искусстве охотников и рыболовов. Об их удивительных одеждах из рыбьих шкур, о шапках из лисьей головы с оскаленной пастью, о юбках из нерпы — на зависть современным модницам.

Всеволод Петрович говорит и о первых русских поселенцах на Амуре.

Кто были эти первые русские? Не Ерофей Хабаров, как думают иногда. В 1639 году двадцать томичей и одиннадцать красноярских казаков под руководством Ивана Юрьева, по прозвищу Москвитин, впервые продрались сквозь дебри тайги вдоль Станового хребта к Охотскому морю, поставив первое русское зимовье у Тихого океана. Они же вышли и на Амур. А вслед за ними Василий Поярков. И только в 1649 году великоустюжский крестьянин Ерофей Хабаров во главе семидесяти охочих людей совершает свой исторический путь по Амуру.

Зачем пришел Хабаров на Амур? «Попроведать землицы и поставить пашенное дело». На Амуре «земли те тучны и черноземны, хлеба на них родятся отменные»,— пишет Ерофей Хабаров.

— Видали у вокзала памятник Хабарову?— спрашивает Сысоев.— Скульптор недаром изваял его без оружия. Ерофей Павлыч пришел на Амур не с мечом, а с оралом.

ГОНЦЫ ПУТИНЫ

Мы гостим в Омми, нанайском селе, на земле древних обитателей Амура. Здесь радуют ладный порядок крепких деревянных домов, антенны на крышах, треск лодочных моторов в бухте. Депутат Верховного Совета РСФСР Николай Оненко показывает нам расшитые халаты. Специально для нас несколько старых женщин надевают праздничную национальную одежду.

Мы вглядываемся в причудливый рисунок одежды нанайцев. Конечно, это те же древние спирали Сакачи-Аляна — свидетельство самобытной культуры народа, много веков населяющего здешние места.

Амур, когда идешь на быстроходной рыбачьей моторке, кажется таким полноводным, как будто он стоит выше берегов и вот-вот прольется на дальние луга и перелески, на острова, заросшие тальником и камышом, издали напоминающие стога сена.

В пене и брызгах несется моторка председателя колхоза Константина Гаера. Цель нашего выхода на Амур — рыбная разведка. Внизу у Николаевска в лиман плотной волной вошла кета. Она движется вверх по течению. Ее первые гонцы достигли Комсомольска. В селе Омми вал рыбы нужно ждать со дня на день.

Константин Гаер забрасывает сеть и вскоре выбирает ее. Вот они, гонцы путины! Огромные самцы кеты с тяжелыми упрямыми челюстями, с боками, окрашенными в розовые тона,— это свадебный наряд, признак зрелости.

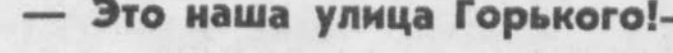
В порту Маго.

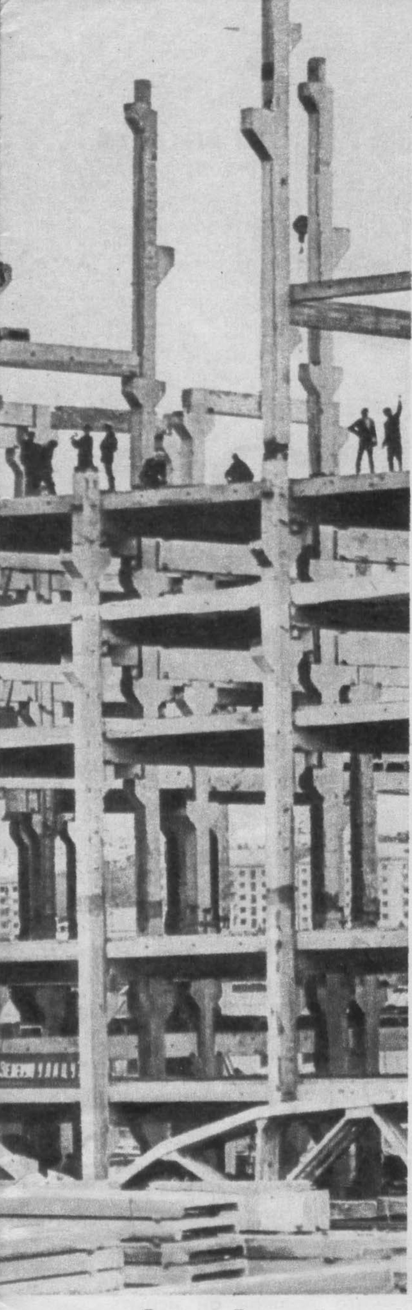
На «Амуркабеле». Нити звенят...

— Это наша улица Горького!—

Ростки Большой химии.

К внучке перейдет секрет вышивки древних узоров.

Петр Пелагейченко — коренной дальневосточник.

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ

Нижний Амур — с самолета зрелище незабываемое. Широкое стальное полотнище, кое-где разорванное темными пятнами островов, неумолимо проложено к океану. Амур так широк, что, когда он расходится, скажем, на два рукава, медленно пропуская через себя то сопку, то целую равнину, каждая его протока уже сама по себе — большая река, не хуже иных прочих.

У глубокой и узкой Пальвинской протоки стоит лесной порт Маго — крупнейший экспортер леса на Дальнем Востоке. На рейде — японские лесовозы, готовые принять в свои трюмы амурские кедры, лиственницы, ели. За них платят звонкой валютой.

«Хозяин» порта Николай Николаевич Касаткин похож на веселого сплавщика, моториста, крановщика — только не на дипломата. Да он и не дипломат. Хотя работа у него вполне дипломатическая. Он деловой человек. И шутка у него всегда наготове, и своего не упустит, и партнера уважит.

Мы сидим в кают-компании японского лесовоза «Тэнся мару-3» — новенький, с иголочки, он построен специально для Амура.

— Если испытания пройдут удачно,— говорит Казуо Итаки, представитель судостроительной фирмы,— компания спустит на воду еще несколько таких судов.

Да, японские лесопромышленники — деловые люди. Они трезво оценивают ситуацию, на долгие годы планируют добрые торговые отношения с Советским Дальним Востоком.

СЕРЬЕЗНАЯ РЕКА

Путина — это рыбацкая жатва, как на целине уборка хлебов. Но директор рыбозавода «Чныррах» Юрий Николаевич Ефимушкин категорически не согласен с таким сравнением.

— Уборка! Там хоть во время дождей бывает передышка! А для нас дождь и холод даже лучше: рыба не портится. И шторма, которые почти всегда сопровождают ход кеты, не останавливают рыбаков. Наша жатва идет день и ночь.

Светло-шоколадная волна вырастает перед носом катера. Секунду мы видим низкое небо с серыми рваными облаками, потом проваливаемся куда-то вниз. Вот так Амур — серьезная река! Пожалуй, это уже и не река, а море, амурский лиман. Берегов не видно. Сзади на буксире ныряет кунгас с уловом.

Видимо, к рыбакам колхоза имени Дзержинского нам не попасть. Они остаются где-то слева. И, собственно, что бы мы им могли передать: что, мол, грустит о вас один счетный работник? Через неделю рыбаки вернутся в родное Казакевичево, по реке поднимется рыба. А после путины, пожалуй, там сами разберутся, без нас, кто о ком грустит...

А пока путина здесь. На грузовом пирсе рыбозавода запарка. То и дело пристают кунгасы. Горит электричество, орет радио. Ребята в оранжевых робах — за это их зовут космонавтами — валят кету в контейнеры. Только в икорном цехе спокойно и тихо, как в операционной. Ни суеты, ни спешки, хотя кета засаливается 20 дней, а красная икра — 6 минут.

Наступает самый ответственный момент. Икру вывалили в огромный чан, где плещется соленый тузлук. Ее мешают большими веслами. Идут минуты. Лидия Ивановна Пустовойт, икорный мастер, берет икринку и давит ее в руках. Она не брызжет, а мягко растекается по пальцу. Значит, икра готова. Она нежнейшего оранжевого цвета.

Между тем на пирсе кипит страда. Рыба все прибывает. Пришел кунгас Гаврилы Дементьевича Кандалинцева, бригадира колхоза «Ильич», депутата Верховного Совета СССР.

— Как дела?— Мы пытаемся перекричать стук моторов, скрип лебедок, плеск волн, гудки катеров и все многоголосье путины.

Гаврила Дементьевич высоко поднимает здоровенную рыбину и победно улыбается. Сильный, уверенный, он стоит по колено в рыбе. Как символ Амура. Как добрый хозяин великой реки.

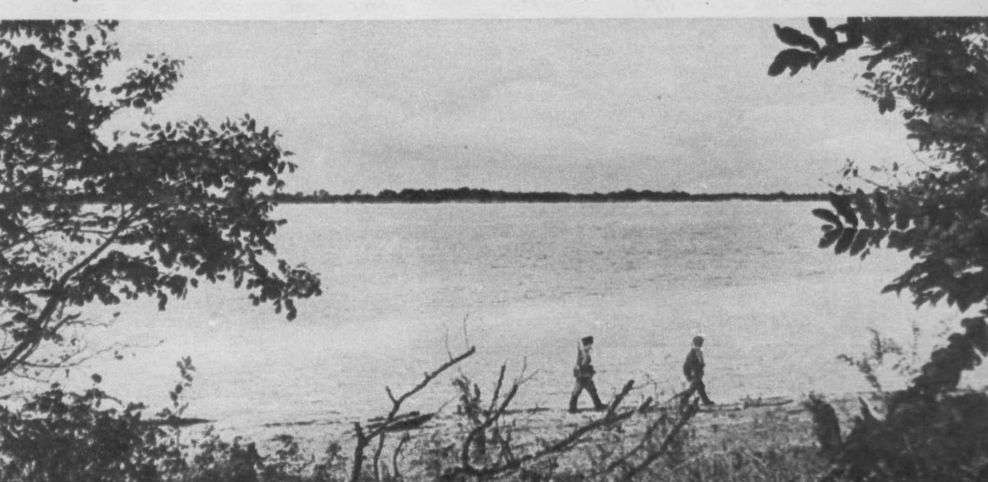
...говорят в селе Омми.

Рыбацкая жатва.

Пограничники.

Олег ШМЕЛЕВ

Лето, которое не уходит

Двадцатый век знает очень много, даже слишком. Можно сказать, он сделался всезнайкой. Все открыто, описано, классифицировано и подшито.

И вообще еще друг Пушкина поэт Петр Вяземский меланхолично заметил, что все имена существительные уже названы и его современникам остается лишь приукрашивать их прилагательными. Что же делать нам, грешным?

Но все-таки не следует отчаиваться. При желании можно поспорить, что даже в дачных местах вокруг больших городов, где каждый квадратный метр заклеймен пустой консервной банкой и окурком и где камыш шумит, хотя болота давно нет, а деревья гнутся, хотя их тоже мало,— даже в таких многострадальных уголках есть потаенные убежища, где прячутся неразгаданные тайны и бродит маленький добрый леший, который совсем не боится повстречать человека любопытного и слегка наивного, а от горланящего субъекта старается быть подальше. Больше того, этот славный леший, если вы ему понравитесь, шепнет вам на ухо, что неподалеку живет русалка, и научит, как найти ее заводь.

Если человек хочет что-то открыть для себя на давно открытой земле, он не должен весь век сидеть дома, ему надо выйти за дверь. Эту неновую истину мы нашли на реке Десне, пройдя на катере снизу вверх и сверху вниз от Киева до Новгорода-Северского. Каждый найдет ее на своей тропе.

Рассуждая о пользе путешествий по реке, надо было бы упомянуть белый речной песок, свежесть бегучей воды, кружащий голову ветер цветущих лугов, всплески играющей рыбы на утренней зорьке, закаты багрового солнца, восходы серебряной луны, треск и пламень костра, бульканье ухи, скрип дергача в вечернем поле, запах поспевающей пшеницы, белую кисею Млечного Пути в ночном небе, сон без сновидений и множество других вещей. Все это будет у любого, кто поплывет по Десне.

Однако с самого начала необходимо сделать следующее немаловажное предупреждение.

Путешествующий по реке и вообще по воде должен быть фаталистом — по крайней мере в одном определенном отношении. Мы имеем в виду потери.

Они неизбежны, как рок. Скажем, если вы взяли в путь восемьдесят различных предметов, то вы еще в пункте отправления должны проникнуться трезвой мыслью, что до конца с вами доплывут только сорок или тридцать пять. Бороться с потерями в расчете на то, что их можно искоренить,— пустое занятие и вредный идеализм.

Так же бесполезно заранее предугадывать, каким из вещей суждено утонуть, разбиться или просто исчезнуть таинственным образом. Тут допустимо только гадать с очень малой степенью вероятности.

В том случае, если путешественник — личность впечатлительная, ему лучше всего сразу, еще до отправления, попрощаться навсегда с каждой вещью в отдельности или со всеми вкупе. Тогда в будущем ему останется лишь с легким сердцем отмечать, как они исчезают постепенно одна за другой.

Самое же главное — сохранять орудия еды, то есть ложки, кружки и котелки. Стаканы в дорогу брать не рекомендуется, так как, разбив и уронив стакан в воду, вы тут же автоматически можете стать жертвой собственного фатализма, то есть разрезать себе ногу. Оставлять осколки для других крайне неэтично.

Для подтверждения теории неизбежности потерь можно привести такие данные. Мы сумели успешно утерять в хронологическом порядке: один керогаз новейшей конструкции, три ложки, две тарелки, пачку соли, одни брюки, кусок сала, два куска мыла, расческу, зеркальце бритвенного прибора, собаку по кличке «Треф», кило пшена и т. д. (всего двадцать девять предметов). Керогаз был потоплен умышленно, ибо он вспыхнул и угрожал пожаром. Собака через два часа нашлась. Но все же общее количество исчезнувших ценностей позволяет сделать вывод, что вещи теряются значительно легче, чем вера в человечество или в счастливую судьбу.

Мы так пространно рассуждаем о потерях с единственной целью, чтобы сказать о приобретениях, ждущих путешественника на таких реках, как Десна, текущих по таким землям, как Черниговщина. Приобретения эти чаще всего нельзя взвесить на руке или измерить, как пойманного на блесну судака. Но тем они и дороги. О них и пойдет речь.

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Возможно ли свести в единый сонм киевского князя Владимира Мономаха, князя Игоря Святославича, царя Бориса Годунова, самозванца Гришку Отрепьева, гетмана Мазепу и Петра Великого? Вполне возможно — для этого надо побывать на Десне.

Тени прошлого обступили нас, едва мы вошли в Десну из Днепра. Литературные ассоциации не лучший из приемов повествования, мы это понимаем. Но, вступив в пределы черниговской земли, от них никуда не денешься. Вещие лиры Бояна и Пушкина звучат здесь живо, как встарь.

Славный полк Игорев, предводительствуемый князем, выступил на половцев из Новгорода-Северского, стоящего на северной окраине нынешней Черниговской области, а прах Игорев лежит в Спасо-Преображенском соборе, воздвигнутом еще в одиннадцатом веке в городе Чернигове, который впервые упоминается в летописи под 907 годом, в договоре киевского князя Олега с Византией после похода на Царьград.

У Пушкина в «Борисе Годунове» — помните? — есть сцена битвы, озаглавленная так: «Равнина близ Новгорода-Северского (1604 года, 21 декабря)». А перед этим в царской думе Годунов говорит о Гришке Отрепьеве — Лже-Димитрии: «Бунтовщиком Чернигов осажден. Спасайте град и граждан». В «Полтаве» же есть такие строки об изменившем Петру гетмане Мазепе: «И саблей машет — и к Десне проворно мчится на коне».

На южной окраине Черниговщины стоит город Остер. Его заложил Владимир Мономах, назвал Городцом и отдал во владение своему сыну Юрию Долгорукому.

По всему течению Десны на ее берегах и чуть в стороне есть городки и села, которые старее Москвы, вроде Сосницы, чья история началась в одиннадцатом столетии и чьи граждане в 1654 году по призыву Переяславской Рады приняли присягу на верность Российской державе, на верность братскому союзу украинского и русского народов.

И того, что сказано, вполне довольно, чтобы понять, какое настроение охватывает путника на Десне, когда он видит главы древних соборов, следы пушечных ядер на крепостных стенах монастырей, дубы, осенявшие походные шатры Петра и Карла XII, притоки Десны, поившие своей водой дикую половецкую конницу, и траву на казацких курганах. Человек, стоящий над затаившимся в замшелой лесной чаще крохотным родником, дающим начало такой великой реке, как Волга или Днепр,— что должен он испытывать в своей душе? Тут неуместно стыдиться высоких слов: он испытывает благоговейный трепет.

Немыслимая толща прошедших времен давит на воображение тем сильнее, чем глубже пласт истории. И подобно тому, как пловец, нырнувший в воду слишком глубоко, спешит выскочить на поверхность и глотнуть свежего воздуха, так любопытный путешественник вдруг начинает испытывать острую потребность в кислороде сегодняшнего, сиюминутного бытия.

И тогда он причаливает к пристани Чернигова и отправляется на завод синтетического волокна, где из капролактама делают кордную ткань и гладкий шелк, где работает несколько тысяч человек, где главный корпус занимает площадь в пятнадцать гектаров, а в каждом цехе автоматически поддерживаются строго определенные влажность и температура, колебания которой допускаются в пределах плюс — минус один градус.

А потом можно пойти на Черниговскую музыкальную фабрику имени П. П. Постышева, где делают прекрасные пианино — двадцать одну тысячу штук в год. Сюда привозят металл для струн, рам, педалей и дерево в кругляке, так называемый резонансовый кряж — ель, а также бук, граб, березу, клен. И больше ничего. А отсюда увозят готовые инструменты — элегантные, звучные, легкие, с голосом очень приятного тембра.

ИЗВИЛИСТ ПУТЬ ДЕСНЫ.

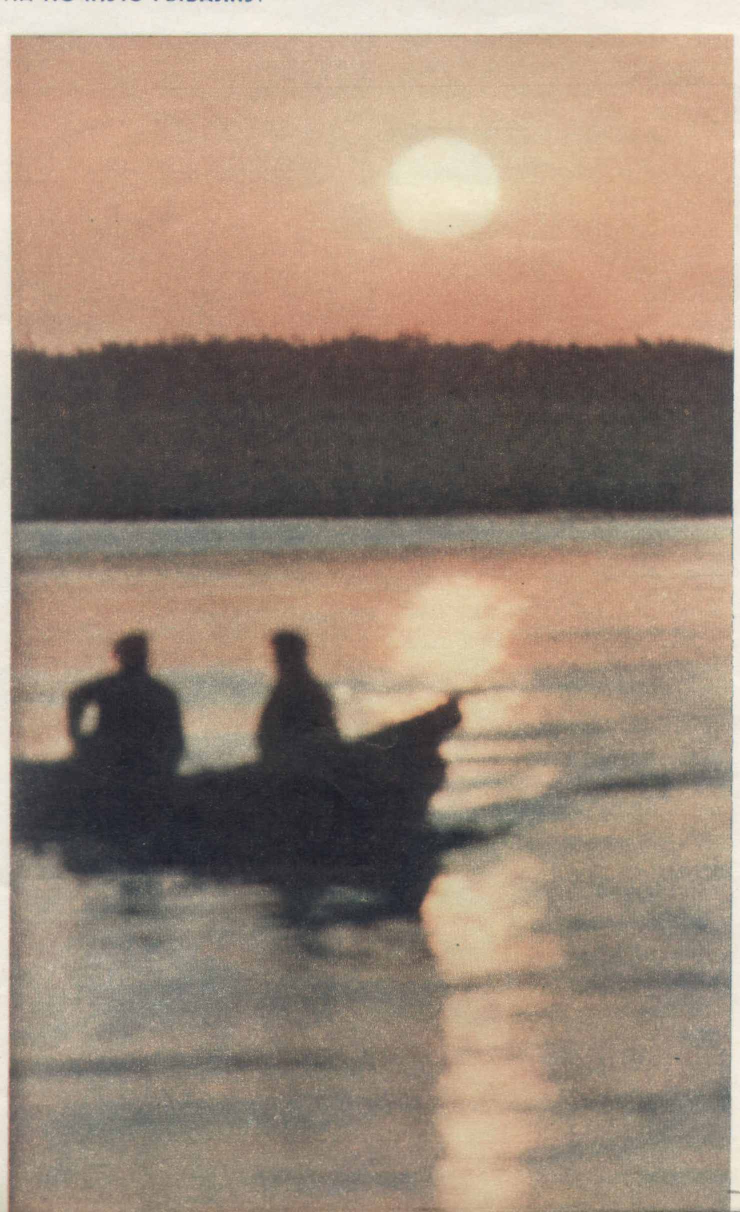
ВОСКРЕСНЫМ УТРОМ В ПАРКЕ НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Сочные травы лугов.

Туристский быт одинаков на всех реках.

На ночную рыбалку.

Но воздух Черниговщины настолько пропитан историей, что мысль невольно возвращается в то отдаленное прошлое, когда Русь только-только начинала складываться в великое государство. Такому настроению способствуют церкви — их на черниговской земле множество, они стоят на высотах, господствующих над местностью, и как бы задают тон пейзажу.

Храм в Вишенках приятен глазу, хотя отличается от истинно русских церквей некоей нарочитой красивостью и архитектурными излишествами итальянского толка. Такие ставили в XVIII—XIX веках.

В ограде — липы, которым, наверное, столько же лет, сколько самой церкви. Когда липы в цвету, они издают благостный мелодичный звон, который не удастся воспроизвести искусственно никакому музыкальному инструменту и который ухо не спутает ни с одним другим звоном,— в кудлатых кронах лип работают пчелы. Попы знали, что делали, когда сажали вокруг храмов липу, а не черный тополь, от которого ни запаха, ни пользы, а один лишь богопротивный пух, забивающий мирянам носы и глаза.

Если обойти церковь кругом, через пыльные зарешеченные окна можно увидеть оборотную сторону иконостаса. Доски его, тоже пыльные, скреплены поперечными планками. Ощущение такое, словно видишь на театральном складе старые, много послужившие декорации. А общее впечатление — ветхость, отмирание...

Молодым судьба храма вовсе безразлична: они не верят ни в бога, ни в черта. Они верят в реактивную авиацию, в счетно-решающие электронные машины и в самоходные комбайны.

ЗОВ РОДИНЫ

Почти в каждом украинском селе есть своя пара аистов. Их зовут лелеками, черногузами. Их супружеская верность давно вошла в пословицу, все знают, что аист выбирает себе подругу на всю жизнь, а если она погибает, он кончает самоубийством. Что бы ни случалось в мире, аисты всегда возвращаются по весне в то село, откуда улетели прошлой осенью, и люди не перестают дивиться, каким образом они так точно находят путь. Ведь они улетают на зимовку за много тысяч километров, куда-то в Африку. А вернувшись, находят не только свое село,— усталые, они летят прямо к дереву, на вершине которого их ждет родное гнездо. Ни один штурман, вооруженный локатором, радиокомпасом и логарифмической линейкой, не сможет проложить курс точнее.

Аисты любят свою родину, и родина любит их...

Не боясь показаться самим себе сентиментальными, мы вспоминали об аистах все время, пока Степан Петрович Сердюк, председатель колхоза имени Александра Петровича Довженко в селе Соснице, не торопясь, порою добродушно ухмыляясь, рассказывал нам историю своей жизни. Он еще молод — ему всего сорок шесть лет, но судьба успела покатать его предостаточно, как говорят, в свое удовольствие. Теперь крышей ему служит та самая хата, которую поставил отец и в которой мать родила его. Уехал из Сосницы в 1935 году, а вернулся в 1962-м. Двадцать семь весен отзвенело ручьями, двадцать семь зим отшумело метелями,— кажется, должно было смыть, замести след к родимой хате. Ан не замело. Живет сейчас Степан Петрович со своей женой Валентиной Петровной и сыном Валерием, девятиклассником, в Соснице.

В 1939-м окончил Степан педагогический институт в Тирасполе. Но учителем стать не пришлось: призвали на службу в армию, послали учиться в военно-политическое училище. Отечественную войну Степан начал секретарем комсомольской организации полка. Потом учился в Москве, в Военно-политической академии имени Ленина, окончил ее в 1943-м. Служить ему досталось в частях противотанковой артиллерии, про которую солдаты говорили так: двойной оклад — тройная смерть. Трижды ранило его, причем два раза очень тяжело, но вот, как видите, жив-здоров.

После войны Степан Петрович был политработником в различных частях, живал во многих гарнизонах: и на Севере, и на Дальнем Востоке, и на южных широтах страны, а в 1955 году демобилизовался в звании подполковника в городе Сумы.

Обком партии хорошо знал его, знал, что отставной подполковник коммунистом стал в 1940 году, а рожден и воспитан в селе, и секретарь обкома предложил Сердюку пойти поработать в колхоз председателем. Сосватали его в одну отсталую, бедную артель.

Говорить о том, что пришлось свежеиспеченному председателю всерьез засесть за агрономические пособия и руководства по бухгалтерскому учету, излишне. Без этого не обойтись. Были и бессонные ночи, и мучительные сомнения в собственных силах, и иронические соболезнования прежних, неудалых руководителей.

— А тут еще в первую же весну понял я, что голове колгоспу надобно быть великим докой, прямо-таки академиком в самых разнообразных и неожиданных, как говорится, областях человеческой трудовой деятельности,— с усмешкой говорил Степан Петрович.

Молодой председатель поднял свой колхоз в два года, а потом крепко поставил на ноги. А когда поставил, затосковала его душа. Не сразу он сам разобрался, в чем причина. Потянуло его домой, на родину, в Сосницу. Ему захотелось жить и работать в таком месте, чтобы была речка и луг. А тут еще стали до него доходить вести, что колхоз в Соснице совсем плох, весь в долгу, как в шелку.

Сумский обком партии долго не хотел отпускать Сердюка, долго не могли там понять, какая муха укусила человека, что он вдруг решил бросить налаженное хозяйство и сорваться с места. Никаких веских, серьезных доводов у Сердюка не нашлось, а не очень-то вразумительные объяснения по поводу луга и речки были неубедительны. Да и не по-хозяйски было бы так легко расставаться с настоящим работником. Но в конце концов вняли его просьбам, отпустили.

В октябре 1962 года сосницкие колхозники избрали Степана Петровича своим председателем. Мало кто в селе его помнил, но уж одно то, что он их земляк, да и отец его всю жизнь в колхозе, и хата их стоит в Соснице бог знает с каких пор,— все это давало колхозникам право считать его не чужим, а когда на собрании они узнали, что у него есть уже немалый опыт хозяйствования, и увидели, что он нужду людей может душой понять,— поверили ему. И не ошиблись. Еще и двух лет не прошло, а артель, которая была в долгу, уже сумела получить прибыль в 410 тысяч рублей...

Степан Петрович возил нас по селу, возил на поля, на фермы. А напоследок мы зашли в гости к Александру Петровичу Довженко, в его хату-музей, чтобы хоть немного подышать тем воздухом, которым дышало детство этого страстного поэта в кино. Он родился здесь в 1894 году, еще мальчишкой уехал из родного села Вьюнища (ныне слившегося с Сосницей) искать свою долю и с тех пор почти не бывал дома. Но так сильна власть и очарование родины, что даже на склоне лет самые первые впечатления бытия, самая первая познанная красота остаются и самыми сильными, и именно поэтому в конце своей жизни, в 1955 году, за год до кончины, Александр Петрович написал поэтичнейшее из своих произведений — «Зачарованную Десну»— повесть о детстве.

Возвращаясь к Десне, мы ехали мимо сухого вяза, на верхушке которого жили аисты, приписанные к Соснице. В гнезде сидели четыре птенца, над ними стояла мамаша. Глава семьи, вероятно, улетел на озеро за пищей для малолетнего потомства...

ЛИЦА ДЕСНЫ

Десна, как всякая речка, многолика. В ненастье она хмурая и серьезная. Под ярким солнцем ее плесы блестят совершенно безмятежно и легкомысленно. Она извилиста и своенравна и на каждом своем повороте преподносит путнику какую-нибудь неожиданность.

Но главное в ее характере то, что она труженица.

По ней сплавляют лес. Перевозят на баржах зерно, кирпич, цемент, уголь и прочее добро. По ней неторопливо курсируют вверх и вниз пассажирские пароходы.

Весной она разливается на много километров, чтобы насытить водой луга, которые будут все лето кормить душистыми, сочными травами коров, овец, лошадей, чтобы оставить после разлива по берегам пруды и озера, в которых будет плодиться золотобокий карась, на которых дикие утки совьют гнезда и выведут утят.

В каком бы месте вы ни вышли на берег, вы сразу увидите второе лицо Десны — рыбацкое. Тут удят рыбу все: трехлетние мальцы и девчонки, взрослые мужчины и женщины, старики и старухи. Ловят на обычную удочку с поплавком, на донки, дорожки и спиннингом. А колхозные рыбаки по ночам выплывают на челнах с сетями. Ловят лещей, судаков, язей, голавлей, линей, щук, окуней. Водится в Десне даже стерлядь, ее выпустили в реку не так давно. Но ловить эту редкостную, реликтовую рыбу пока не разрешают.

Сколь горяча на Десне рыбачья страсть, показал нам такой эпизод.

Однажды, подъезжая к Макошину, мы, как всегда, увидели на берегу людей с удочками и захотели узнать у них, сколько километров осталось до села. Мотор катера сбавил обороты, и один из нас закричал:

— Макошино скоро?

Вопрос обращался к двум рыбакам. Один из них, толстый, был в соломенной шляпе и модных шерстяных купальных трусах. Это, а также красная от свежего загара кожа, говорило, что сей рыболов — горожанин. Второй, худой, в картузе, в серой ситцевой рубахе и полосатых брюках, закатанных до колен, явно был сельским жителем.

В тот момент, когда мы им крикнули, рыболов в картузе что-то говорил шляпе, размахивая руками. Похоже, что ругал. А шляпа стояла, потупя очи.

Оба нас не слышали, и пришлось повторить вопрос. Тогда дяденька в картузе крикнул в нашу сторону:

— Да идите вы к бисовой матери! — И продолжал ругать шляпу.

От удивления мы разинули рты, и даже катер качнулся с борта на борт. Это было невероятно!

Дело в том, что люди, путешествующие по Черниговщине, уже через день отвыкают от городской бесцеремонности и взаимной невежливости и привыкают к ласковости, доброте и уважительности украинских сел. Вот почему выражение «к бисовой матери», которое в городской толчее прозвучало бы для уха просто райской мелодией, на берегу Десны показалось нам чрезвычайным происшествием. Наверное, подумали мы, у этих людей случилось что-то очень серьезное. Может быть, им даже нужно помочь.

Мы причалили, подошли к рыболовам и, получив прощение за непрошеное вмешательство, предложили свою помощь.

— Какая тут помощь! — отвечал рыболов в картузе сердито, но уже немного поостыв.— Вот гляньте на него. Рыба-ак! Ему вот такой короп, понимаешь, попался, а он вытянуть не сумел. Дергает, понимаешь! Ему грушу трясти, а не рыбу удить!

Нам все стало ясно. Для «бисовой матери» имелись исчерпывающие оправдания...

Но Десна не только рыбацкая речка. Она удивительно приспособлена для отдыха. Песок ее белых пляжей прокален солнцем, продут луговыми ветрами. Вода в реке теплая, прозрачная. По берегам шумят рощи, боры, дубравы. И все кругом непорочно чисто. Можно пройти босиком, не глядя под ноги, сто километров— и не уколоться.

Кто раз приезжал сюда, обязательно приедет и во второй. В дубраве под Остром мы встречали ленинградцев, москвичей, киевлян, уральцев, которые уже по многу лет проводят свой отпуск на Десне. А из Норильска приехал на все лето целый детский сад.

...Теперь осень на дворе. Но лето не уходит от людей, побывавших на Десне. Им снятся цветные сны. Навсегда войдет в их сердца Черниговщина — кусочек тех священных земель, на которых зачиналась наша родина.

Последний хлеб.

Вл. ПАВЛОВ,
Я. РЮМКИН

ХЛЕБ, ДО

Вечер. Садится солнце. Длинные тени от придорожных кустов, от телеграфных столбов, от мачт электропередачи располосовали поле, по которому пролегли извилины проселка. Идет по проселку колонна грузовых автомобилей с зерном. Головную машину ведет герой нашего фотоочерка шофер Богородицкого совхоза кандидат в члены КПСС Николай Михнев...

Казалось бы, для Николая и для его товарищей-шоферов нынешний день — четвертое сентября — ничем не отличается от десятков других. И путь у зерна один — от комбайнов на ток, а с тока на хлебозаготовительный пункт.

Сколько уже сделано хóдок, сколько погружено и ссыпано пшеницы и ржи, ячменя и гороха, гречихи и семян сахарной свеклы! Возили и будут еще возить и кукурузу. Уродилась она в этом году! Смотришь на зеленую стену кукурузного поля и не веришь, что поле это в самом центре России, всего в каких-нибудь трехстах километрах от Москвы. Невольно думаешь, что оказался где-нибудь в Молдавии...

Да мало ли еще чего пришлось за уборочную грузить на машины шоферам!

И все-таки необычен он — нынешний день! Последние пятьдесят тонн зерна предстоит вывезти сегодня шоферам. Вывезти и, как говорят в совхозе, полностью «закрыть обязательство» — сдать государству восемьсот восемьдесят семь тонн зерна. Сто семнадцать процентов плана!

Потому-то так торжественно сегодня на душе у Николая Михнева. Можно было бы прийти попозже на работу, но он чуть свет уже в гараже. Как и всегда перед ответственным делом, собрались шоферы в кружок. В центре — Николай, который за минуту до того прислушивался к работающему двигателю одной из машин.

— Подрегулировать надо,— негромко говорит он хозяину грузовика.— Стучит.

Шофер без разговоров поднимает капот. Николая Михнева товарищи уважают. Любая марка машины — будь то юркий «газик» или мощный, увалистый «МАЗ» — ему нипочем. Знает он их как свои пять пальцев. Понимает самую суть автомобильного характера — все повадки и капризы. Умеет взять от машины полную мощность и полную скорость, заставить ее служить надежно и долго...

Не мудрено. Еще в армии, в которой отслужил Михнев с сорок третьего по пятидесятый, водил Николай военные грузовики. Свою любовь к технике передал и братьям: Иван — комбайнер, Анатолий — шофер. И только самый младший, Юрий, хоть он, как и

Хочется погрузить руки по локти в хлеб, пересыпать его с ладони на ладонь.
Заместитель секретаря парткома Богородицкого производственного управления В. П. Ермаков и директор совхоза «Богородицкий» А. А. Буравцев.

Идет погрузка.

— Отличное зерно! — улыбается старшая лаборантка хлебоприемного пункта Прасковья Никонова.

Шофер Николай Михнев.

РОГА, ШОФЕР

братья, всю свою жизнь живет и работает в Богородицком совхозе, стал учителем.

На ток мы приезжаем вместе с Михневым. Народу тут, несмотря на ранний час, немало, но почти никого не видно за высокими ворохами зерна. Порядком осталось в совхозе хлеба и фуражного зерна, и убыль последних пятидесяти тонн, которые уже начали грузить механические погрузчики, неприметна. Остальное пойдет в совхозные закрома. На зиму достанет чем кормить общественное стадо. И, следовательно, вслед за зерном совхоз перевыполнит план сдачи мяса и молока...

Хорошо становится на сердце, когда глядишь на хлебное богатство. Как-никак по восемнадцать центнеров с гектара взяли. Неплохо, совсем неплохо для нечерноземной Тульской области!

А машина Николая Михнева уже полна.

До хлебозаготовительного пункта, что расположен в селе Товарково, не так уж далеко — километров двадцать пять. Ехать приходится почти все время по отличному асфальтированному шоссе. И только небольшой отрезок пути, у самого тока, пролегает по проселку. На этом отрезке Николай ведет машину на малой скорости, мягко переваливая через ухабы. Михнев вырос в селе, знает, сколько пота и труда надобно положить хлеборобу, чтобы вырастить добрый колос, уберечь его от непогоды, от сорняков и вредителей, не дать осыпаться, убрать, перевезти на ток. Выехав на асфальт, он останавливает машину и внимательно осматривает кузов: нет ли где-нибудь утечки, не бегут ли золотые струйки в дорожную пыль? По асфальту мы едем молча: больно уж велика скорость. И, лишь когда приходится снизить ход, обгоняя тяжело переваливающиеся с боку на бок комбайны, Михнев поворачивает потное лицо и обнажает в улыбке ровные белые зубы.

— Управились комбайнеры! — радостно говорит он.— Молодцы!

На товарковском хлебоприемном пункте Николай останавливает самосвал возле небольшого белого домика, в котором разместилась лаборатория. Старшая лаборантка Прасковья Никонова привычным движением вонзает блестящий щуп в самую толщу зерна: прежде чем разрешить ссыпать хлеб, надо проверить его на влажность, засоренность сорняками, на зараженность вредителями. Николай, который принимает как свое кровное всякое хлебное дело, внимательно следит за ее работой. Никонова улыбается.

— Отличное зерно!

И вот уже Николай запихивает в карман своей рабочей вельветовой куртки приемную квитанцию. И, на ходу опуская кузов самосвала, мы снова трогаемся в путь...

Уборка окончена. Комбайны вышли на асфальт.

В первый раз за уборочную Николай Михнев вернулся домой рано.

А. СОФРОНОВ

Николай Погодин

НЬЮ-ЙОРК СВЕРХУ И СНИЗУ

Зачем вы второй раз едете в Соединенные Штаты? — спросил меня Николай Погодин, когда мы перед отлетом встретились в Союзе обществ дружбы.— Меня никто бы второй раз туда канатом не затащил. Сейчас у меня там есть дело — хочу узнать побольше об Эйнштейне. Сдал в МХАТ пьесу. А есть некоторые сомнения...

Он был перед отъездом взъерошенный и колючий. Но это продолжалось, пожалуй, только до момента, пока наш «ТУ-104» не взял курс на Копенгаген, где предстояла пересадка на американский самолет. Прирожденный журналист и газетчик, Погодин сразу почувствовал себя, что называется, в своей коже, когда мы бродили по огромному, вновь выстроенному зданию аэропорта в Копенгагене, разглядывая его строгие линии. Раньше здесь был небольшой и какой-то очень тихий аэропорт. От него веяло домашним уютом. Сейчас датчане построили огромное здание, и оно как бы все гудело от величины.

— Летать интересно,— сказал Погодин,— узнаешь не только страны, в которые летишь, не только тех, кто живет в них, но и тех, кто с тобой летит. Ездил я в Англию с некоторыми... Неожиданный народ. Откуда что берется! Такой восторг...

Погодин не стал распространяться дальше, видимо, присматриваясь, как себя поведет его спутник, оказавшийся с ним в одной упряжке по путешествию от Нью-Йорка до Лос-Анжелоса.

Потом мы летели над белыми северными просторами, над ледяными торосами и желто-голубыми разводьями. В окошко ослепительно било солнце, небо было почти синее. Внизу проплывала южная оконечность Гренландии. Потянулись крупно наколотые льды Лабрадора. Мы летели словно бы при полном электрическом освещении. Стрелки по московскому времени уже показывали час ночи, а в Нью-Йорке, когда самолет побежал по асфальту, было пасмурное предвечерье. Багрово-красное солнце еще где-то путалось в облаках.

Нас встретил высокий седой человек с орлиным носом. Это был Роберт Даулинг. В Нью-Йорке мы пользовались его гостеприимством. Даулинг, официальная должность которого — что-то вроде министра культуры штата Нью-Йорк,— большой знаток и покровитель различных жанров искусств, бизнесмен, владелец театров и других зрелищных организаций, большой поклонник советского искусства. Поздно вечером в отеле «Карлейл» он показывал нам апартаменты президента Соединенных Штатов Кеннеди, которого ждали в эти дни в Нью-Йорк. Здесь президент собирался отпраздновать свое 45-летие.

С высоты 37-го этажа сонными глазами смотрели мы из номера президента на переливающийся огнями ночной Нью-Йорк.

— Сверху красивое зрелище,— сказал Николай Федорович.— Посмотрим его вблизи, снизу.

...Был май. Месяц для Нью-Йорка обычно не очень жаркий, но на этот раз стояла духота с частыми грозами.

В первые дни мы были заняты обычной туристской деятельностью. Даулинг уделял много времени нашей группе. Вместе с нами он поехал за город, чтобы показать строительство одного из научных центров.

Где-то около полудня мы перемахнули словно качающийся в голубой дымке широкий мост через Гудзон и оказались в другом мире. Только быстро мчащиеся автомобили напоминали нам о том, что мы в Америке, «сверхиндустриальной» стране.

У обочин дороги цвела сирень, белые, похожие на кашку, цветы. Лежали на траве люди, возле них бегали белокурые ребятишки. Среди кустов сирени изредка мелькали лани. Вскоре мы очутились в садовом хозяйстве, знаменитом тем, что в нем выращивается, как нам было сказано, 1 миллион 250 тысяч тюльпанов. Собранные на небольшой территории, они выглядели очень красиво: красные, ярко-желтые, розовые, белые, черные... Здесь же на берегу пруда бродили розовые фламинго, павлины, переливающиеся оперением под солнечными лучами. И все же смотреть, собственно говоря, здесь было нечего. Но Даулинг проявлял такую заботу и заинтересованность, что невольно мы вникали в каждую деталь этого хозяйства, уже сейчас дающего большую прибыль.

Мы ехали с Погодиным в одной машине. Один из сопровождавших нас представителей туристской фирмы жаловался на дороговизну.

— Я зарабатываю для Америки прилично, 6 тысяч долларов в год. Но у меня учится на металлурга в политехникуме сын. Я должен, да и не только должен, но и плачу за его учение 1 200 долларов в год. Очень дорогая квартира. Всюду надо деньги. У меня больное сердце, колет все время. Сначала я тревожился. Хотел пойти к врачу. Но это очень дорого. Привык к боли. Помял крыло на машине. Чтобы выправить, нужно 10 долларов. Решил — обожду, езжу с помятым крылом. Привык.

Мы подъехали к деревянным домикам, полускрытым соснами.

— Здесь помещается научный центр, в котором происходят конференции,— сказал нам гид.

Но никаких признаков научного учреждения не было видно. Просто были удобные коттеджи, с хорошими ваннами, с красивыми электрокаминами и телевизорами. Когда в коттедже нам показали ванную и уборную, Погодин возмутился:

— Что мы, дома этого не видели? Зачем нам все это показывают?! Пусть приезжают ко мне, я им покажу все что надо. Поехали домой.

Домой — это уже означало в Нью-Йорк, в гостиницу.

Вечером мы смотрели на Бродвее пустенькую оперетту «Камелат», повествующую о жизни короля Артура и рыцарей Круглого стола.

Зрителей было не больно много. Оперетта поставлена примитивно, режиссуры никакой, певцы просто подходят к рампе и поют в публику. Наши еще не перестроившиеся организмы властно тащили нас в омут сна. Мы запросили пощады. На счастье, выход был открыт. Мы вышли в фойе. На головах многих, даже пожилых женщин увидели шляпки, похожие на маленькие оранжереи. Погодин спросил представителя фирмы Алешу:

— Почему так много цветов на каждой шляпке?

— Мода,— ответил Алеша,— главное, чтобы шляпа отвлекала внимание от лица.

Погодин понимающе посмотрел на Алешу.

— Ты годишься в провожатые,— сказал он,— идем в отель пешком. Мне хочется посмотреть ночной Нью-Йорк вблизи, снизу.

На другое утро, как всегда, выбритый, в свежей рубашке, сидя за кофе в ресторане, говорил нам:

— Это очень интересно — Нью-Йорк. И, конечно, совсем не то, что сверху.

НАДО ПОДУМАТЬ ХОТЯ БЫ 15 СЕКУНД...

О Нормане Казинсе мы слышали в Москве. Это издатель и редактор журнала «Сэтердей ревью», участник встреч в Дортмунде и Крыму по вопросам ослабления международной напряженности и борьбы за ядерное разоружение. Приехав в Нью-Йорк, мы захотели повидаться с ним, передать приветы от его московских друзей и пригласить на Всемирный конгресс за разоружение и мир. Тамара Мамедова — неутомимый работник Союза обществ дружбы— созвонилась с Казинсом. Таким образом, мы оказались в небольшом кабинете Казинса, сплошь заставленном книжками. За окном шумел Нью-Йорк, а здесь было сравнительно тихо, можно спокойно разговаривать. Погодин без особых предисловий на вопрос Казинса, чем он может быть полезен русским драматургам, сказал:

— Мне сказали, что вы лично знали Эйнштейна.

— Да, был знаком с ним.

— Не могли бы вы рассказать, как он выглядел, его человеческие черты, его характер... Никакая книга не сможет передать то, что видел и сможет рассказать человек. Как он жил? Как он думал? Не что, а как? Я не очень затрудняю вас вопросами?

— Нет, что вы,— улыбнулся Казинс: такой журналистский запал явно понравился ему.— Я виделся с ним несколько раз. Мы были действительно знакомы. Одну статью о последствиях ядерных взрывов он читал нам вслух... Жил он в квартире старого европейского стиля. Она была довольно темной. Однажды я ждал его в гостинице. Помнится, сидел и щурился, глаза еще не привыкли к темноте... И вдруг Эйнштейн возник, как призрак. Неслышно... Мне показалось, волосы его светились, голова как бы существовала отдельно от туловища... Потом

в Америке

я его рассмотрел лучше. Он был в старой вязаной рубашке. Брюки держались на веревочке... Казалось, он только вернулся с тенниса. На босых ногах были теннисные туфли. А может быть, он и в самом деле пришел с тенниса... Но главное не то, как он выглядел. Главное, как он говорил. Вас, вероятно, это интересует? — обратился Казинс к Погодину.

Я взглянул на Николая Федоровича. Он сидел без записной книжки. Я удивился.

— Меня все интересует об Эйнштейне,— сказал Погодин.

— Я не ручаюсь за точность, но за основное могу поручиться. Он говорил, и чувствовалось, что говорит о том, о чем думает все время. Свет, Земля, мир будут существовать; но будет ли жить после ядерной войны человек — этого никто не знает. Можно только сказать, что человек будет неполноценным. Какой нелепый и трудный факт: человек, именно человек может сделать мир необитаемым! Человечество должно создать такие организации, которые могли бы быть полезны всем народам, иначе оно погибнет. Конечно, все будут говорить о преимуществах своей системы. Американцы о своей. Русские о своей. Пусть. Решение этого вопроса в будущем. Главное — найти общий язык. Тогда у нас будет время сделать очень многое. Мы могли бы превратить любой камень в энергию. Ведь есть переход от массы к энергии...— Здесь Казинс остановился и улыбнулся, как, впрочем, он делал это с самого начала нашей встречи.— Вот примерно то, что я слышал от Эйнштейна.

— Это очень мило, что вы рассказали. Вы представляете, как мне повезло! — сказал Погодин, поднимаясь.

— Пожалуй, трудно найти другого человека, который бы так жил в будущем. У нас, в Америке, не так-то много людей, кто неуклюж в настоящем. Эйнштейн как бы висел между прошлым и будущим и очень неуклюже жил в настоящем. Я не надоел? — спросил Казинс Погодина.

— Нет, конечно... Теперь вы поговорите с ними, а я запишу.

Казинс поднялся от стола, уступая место Погодину.

Я спросил Казинса, что он думает об отношениях между нашими странами. Казинс печально улыбнулся.

— Если мы не договоримся, будут убиты миллионы людей, разрушены страны, не только участвующие в войне. Мы приговорим к смерти миллионы, если такая война осуществится. Надо нам найти хотя бы 15 секунд, чтобы подумать об этом. Мы не можем дожить до того времени, да мы и не доживем, когда над Землей будет висеть покров атомной пыли. Тогда мир не будет знать, что такое прекрасный день. Ядерная война — обоюдоопасное оружие, оно стреляет в обе стороны.

— Что же делать, господин Казинс?

— Кто-то сказал: все начинается со слова. Человек тем и отличается от других живых организмов, что он может высказать словами свои мысли и они будут понятны другим. Советский Союз и Соединенные Штаты должны договориться. Все нации должны подчиняться международным законам. Все нации без исключения. Нельзя сидеть и ждать, пока мир и цивилизация будут разрушены. Надо создать ситуацию взаимного уважения и понимания.

...Казинс все это говорил без особой уверенности. Я сказал ему, что сейчас воля людей многое решает,— никто, кроме сумасшедших и бешеных, не хочет, чтобы была развязана атомная война.

— Да, конечно, все это так,— ответил Казинс.— Кто может желать? Но если, несмотря на все наши старания, бомбы все же начнут падать, я бы хотел умереть рядом с Корнейчуком...

— Почему именно рядом с ним?

— Я очень уважаю его... Я бы извинился перед ним, а он передо мной в том, что мы не все сделали для предотвращения атомного кошмара.

И тут в беседу снова вошел Погодин. Положив ручку рядом с записной книжкой, он сказал:

— Я живу под Москвой, за городом. Мне шестьдесят два года... Я не Бернард Шоу, и с меня достаточно. Я мог бы сказать: можете взрывать что угодно, где угодно и сколько угодно... Но я этого не говорю. У вас здесь, в Америке, да и на Западе неправильное мнение о советском народе и его интеллигенции. Дескать, она очень послушная. Что ей прикажут, то она и делает. Это неправда. Я не коммунист, беспартийный, но я думаю всегда и о партии и о всем народе. А думать в данном случае мне хочется так, как думал Эйнштейн: чудовищную проблему нельзя решить чудовищными средствами. Пока мы дышим, мы должны защищать мир.

— Драматург и философ имеет возможность в подмосковном пригороде устраивать свидания с вечностью,— снова улыбнулся Казинс.—

Но нам нужно одно — прекращение испытаний. И в Дортмунде и в Крыму наши представители могли разобрать причины, почему каждое ядерное испытание является шагом к войне. Для меня самое главное — создание безопасного существования для моего народа.

— А если смотреть шире? Не только для моего народа, а для всего человечества? Как вы думаете?

— Я думаю так же, как и вы! — ответил Погодину Казинс.

— И, может быть, не стоит умирать рядом? Лучше жить рядом? Как вы думаете?

— Я думаю так же, как и вы! — все так же мягко ответил Казинс.

Мы попрощались. Погодин весело улыбался. В лифте он сказал:

— Очень приятный человек. Через таких людей лучше узнаешь мир... А главное для меня,— что он сказал об Эйнштейне. Брюки были завязаны веревочкой? Гениально!

«ВЕСТ-САЙД СТОРИ»

В это время в Нью-Йорке гастролировал ансамбль украинского народного танца. Роберт Даулинг устроил в честь ансамбля прием. Были приглашены и мы с Погодиным. Прием происходил в небольшом зале, на стенах которого были развешаны умопомрачительные абстракционистские опусы.

Открывая прием, Даулинг сказал:

— Вы оказались очень любезны, и мы благодарим вас за то, что вы приехали в Америку. Вы показали здесь свой талант и доставили радость и удовольствие нашим зрителям. Именно такие встречи открывают сердца всех людей, помогают установить взаимопонимание, а значит, и сохранить мир.

Закончив речь, Даулинг подошел к нам и сказал:

— Предлагаю и сегодня театр. На Бродвее идет хороший спектакль о Томасе Море. Я слышал, вчера вы уснули в театре. Я предусмотрел это. Вот пилюли против сна, они дадут вам досмотреть до конца весь спектакль.

Погодин сразу согласился. А я не рискнул. Смалодушничал. Не поверил в силу противосонных пилюль. Кроме того, мне хотелось посмотреть, как ньюйоркцы будут принимать украинских танцоров, выступающих в Метрополитэн-опера.

И, должен сказать, не пожалел. Огромный зал Метрополитэн-опера был полон. Я всматривался в лица зрителей. Среди них было немало людей славянского происхождения. Женщины с девушками-подростками. Старушки с волосами, собранными на затылке в пучок.

Успех ансамбля нарастал от номера к номеру. Гопак, ползунок, веснянка... Чередование лирики и острого юмора, ловкости и озорства вызывало овации в зале. Моментами забывалось, что сидишь в Нью-Йорке. Удивительный ансамбль, и удивительный был прием его в тот вечер. После окончания представления мы пошли за кулисы. Руководитель ансамбля П. Вирский стоял возле занавеса и беседовал со священником. Священник был маленький, седой, стриженный ежиком. Он представился нам:

— Отец Иосиф. Третий раз прихожу на концерты ваши. Добрые дивчины и парубки. А священника в ансамбле нет?

— По штатному расписанию не положено,— сказал Вирский.

— Жаль... А то я мог бы пойти к вам в ансамбль. Готов ездить с вами всюду. Вы куда отправляетесь после Нью-Йорка?

— В Канаду и на Кубу.

— Готов и на Кубу.

Вирский вежливо улыбнулся. Отец Иосиф, видимо, понял, что беседа пришла к финалу.

— Ну, дай вам бог здоровья,— сказал он и, перекрестив нас, отправился к выходу.

Мы вышли на улицу. Шумел, переливался огнями Бродвей. Струился рекламный дымок от огромных сигарет. Прямо перед нами сверкала реклама кинофильма, с большим успехом шедшего уже несколько недель на Бродвее. Фильм назывался «Вест-Сайд стори»—«Вестсайдская история». Об этом фильме мы уже слышали хорошие отзывы. Нам рекомендовали обязательно посмотреть его.

...Утром за кофе Погодин сказал мне:

— Эх вы, драматург! Что же не пошли вчера со мной! Прекрасный спектакль, великолепный актер, играющий Мора. Я получил огромное удовольствие. Очень жалел, что вас не было. Умеют ставить спектакли и умеют играть. Конечно, в трактовке есть что-то такое... Но это же не во МХАТе, так что ничего, можно смотреть.

— Пилюли принимали?

— Забыл о них.

В этот день у нас было запланировано знакомство с городом. Автобус мчался по улицам. Стоял у светофоров и снова окунался в марево отработанного бензина. Было жарко и душно. Мы проехали по шумному, набитому веселыми ребятишками Гарлему. Тут было тесно, скученно. Старые, обветшалые дома с пожарными лестницами, выходящими на улицы.

— Это дома для бедных,— сообщал нам гид.— В этих домах живут негры, пуэрториканцы, филиппинцы, евреи...

Мимо мелькали пакгаузы, мясные и рыбные склады. Мы проезжали по гулким мостами, возле набережных, где юноши играли в баскетбол и теннис. Возле Колумбийского университета во время короткой остановки вдруг оказались среди целой толпы битников, с обезьяньими бакенбардами и козлиными бородками. Они держали лохматых девушек за руки. В уголках губ у девушек висели, словно приклеенные, сигареты.

— Пещерные люди,— пробормотал Погодин, косо смотря в окно.

Новый поворот автобуса вынес нас в каменное ущелье Уолл-стрита. Здесь мы застряли в узком квартале среди темных каменных громад, не имея возможности разъехаться со встречным автобусом.

— Зажал нас капитализм,— сказал Погодин, выходя на мостовую.— Вот, оказывается, где помещаются акулы Уолл-стрита.

Но акул на горизонте не было. Улица была безлюдна. Только молчаливые рабочие в комбинезонах мыли из брандспойта мраморные стены зданий, уходящих высоко в летнее, выморенное жарой нью-йоркское небо.

И опять новые кварталы. Небольшие домики. Маленькое кафе. Маленькие рестораны. Маленькие кинотеатры. На одном из них скромный рекламный щит: «Иван Грозный» Эйзенштейна. 2-я серия». В этих кварталах по вечерам встречаются литераторы, актеры, художники — малообеспеченная, полуголодная нью-йоркская богема.

Вскоре мы подъехали к туристской Мекке Нью-Йорка — «Эмпайр стейт билдинг». Лифты возносят нас на площадку 86-го этажа. Здесь ветрено. Не чувствуется жары. Вокруг торчат каменные пальцы небоскребов. В голубом мареве струится Гудзон с перекинутыми через него мостами. Ползущие по улицам, как божьи коровки, пестрые автомашины...

...В этот же день мы посетили Элеонору Рузвельт. Жила она поблизости от нашего отеля, на третьем этаже небольшого особняка. На звонок вышла сама хозяйка. Высокая, седая, в простом светлом платье. В доме так же, как и на улице, было очень душно. Хозяйка предложила на выбор — холодный кофе или чай со льдом. Энергично разрезала яблочный пирог. Охладившись чаем со льдом, мы направились в гостиную, сплошь увешанную фотографиями и небольшими картинами. На одной из фотографий была запечатлена Красная площадь и Мавзолей. Внимательно осматривая каждого из нас, Элеонора Рузвельт удобно села на большой красный диван, стоящий в центре гостиной.

Ленинградский профессор-онколог А. И. Раков сказал хозяйке:

— В ближайшее время в Москве состоится конгресс онкологов. Мы были бы рады видеть вас гостем на этом конгрессе.

— На конгресс поедут мой сын с женой. Он онколог. А я, к сожалению, не смогу. У меня на руках двадцать внуков, четырнадцать правнуков да еще девяностолетний дядя. Если вы учтете, что мне самой 76 лет и я себя чувствую неважно, то поймете, что это трудная комбинация.

— Да, пожалуй, не легкая,— согласился Раков.

— Но вы не думайте, что я стою в стороне. Я стараюсь по возможности делать все для того, чтобы наши народы были ближе друг к другу. Ко мне приходят ваши русские студенты, обучающиеся в Колумбийском университете, за справками о периоде, который получил название рузвельтовского. Я подолгу с ними беседую. Это хорошие ребята, каждый из них выразил желание быть переводчиком у моего сына на конгрессе онкологов в Москве.

Профессор-экономист В. Г. Трухановский спросил:

— В каком состоянии рузвельтовское имение Гайд-парк, переданное по завещанию государству?

— Муж сказал: пусть дети возьмут необходимое, а остальное пусть останется в доме, чтобы он имел жилой вид. Дети выполнили завещание. Это очень важно. В музее все должно напоминать о жизни человека. В музее собрана большая переписка, показывающая широкий круг интересов покойного президента. Когда Рузвельт получал письма, он собирал детей и рассказывал им о странах, из которых пришли эти письма, какой в них строй, как живут там люди...

Первую часть беседы Погодин сидел молча, кое-что записывая в блокнот. Затем спросил:

— Удалось ли вам посмотреть наши фильмы последних лет?

— Да, конечно, на одном из последних кинофестивалей я видела «Балладу о солдате» и «Сережу». Они понравились мне больше других картин.

Погодин оживился.

— В нашей кинематографии кончился застой. Появились талантливые режиссеры. Это добрый знак. Очень приятно, что вам нравятся наши фильмы. Но знаете ли вы, что число копий, сделанных в Америке по этим фильмам, не превышает восемнадцати? Разве это правильно?

— Я первый раз об этом слышу. Это, конечно, несправедливо,— смущенно сказала Рузвельт.

— Я тоже так считаю. У нас американские фильмы идут широко.

— Неужели? Но ведь по подавляющему большинству голливудских картин судить об Америке невозможно. Может создаться неправильное представление у советских зрителей.

— Согласен,— сказал Погодин.— Раньше картины были получше, ближе к жизни. Рузвельтовский период был интересен и в кино.

— Да, к сожалению, искусство стало мельчать, а его нельзя разменивать на мелочи.

— Николай Федорович пишет пьесу об Эйнштейне,— сказала Тамара Мамедова.

— Да? — удивилась Элеонора Рузвельт.— Это большая смелость — писать об ученом, представляющем другой народ.

— Эйнштейн принадлежит всему человечеству, как, впрочем, и любой гений,— сказал Погодин.— Я много читал о нем. Это был необычный человек.

В усталых глазах хозяйки появилась какая-то особая теплота.

— Да, вы правы, необычный. Рузвельт его очень любил и всегда считался с ним. Эйнштейн часто приходил в Белый дом. Я помню его посещения. Он приходил с рукописями, теряя страницы на каждом шагу. Приходилось буквально ходить за ним и собирать по листку. Он был очень нежный и очень рассеянный человек.

Мы видели, что хозяйка дома устала. Она лениво обмахивалась веером. Мы поднялись.

— Спасибо за визит,— сказала Рузвельт.— Я очень люблю встречаться с русскими. Вы мне доставили удовольствие своим посещением.

По узкой лестнице мы спустились вниз и вышли на знойную улицу. Как нам потом сказали, это был самый жаркий майский день в Нью-Йорке за многие последние годы.

...Роберт Даулинг делал все, чтобы наше пребывание в Нью-Йорке было интересным. Он пригласил нас на публичное празднование 45-летия Кеннеди в Мэдисон-сквэр гарден. Под проливным ливнем с грохотом и молниями ехали мы туда, едва поймав такси. Такси поймать в Нью-Йорке — нелегкая задача. Запомнилась в концерте на этом вечере Мэрилин Монро, вышедшая в розовом, плотно облегающем фигуру платье и поднесшая президенту торт с 45 свечами. Это было одно из последних публичных выступлений талантливой актрисы. Очень скоро она покончила с собой, затравленная голливудскими дельцами.

Концерт был большой и разнообразный. После концерта говорил Кеннеди. Где-то в конце выступления он в расплывчатых фразах сказал о необходимости преобразований в области социального обеспечения и медицинского обслуживания населения и о том, что Соединенные Штаты отстали в этих вопросах от других стран. Кеннеди казался утомленным. Поблагодарив актеров за участие в празднике, он сошел с ринга, на котором шел концерт, и направился в первый ряд, где до этого сидел рядом с Джонсоном.

Погодин жадно приглядывался к окружающей нас публике. Уже по дороге к такси, шагая по омытому ливнем асфальту, он сказал:

— Нелегкая штука — быть президентом в этой стране... Сколько ихтиозавров сидело вокруг! Видели, как приняли его слова о реформах? Дадут ему за них!

Погодин не ошибся. Уже на другой день в нескольких газетах появилась резкая критика выступления Кеннеди.

А я сидел в тот вечер в Мэдисон-сквэр гарден и вспоминал первую встречу с Кеннеди, осенью 1955 года. Это было во время поездки наших журналистов по Америке. Мы сидели с сопровождавшим нас работником отдела печати госдепартамента Френком Клукхоном в одном из ночных клубов, в которых по вечерам собираются деловые, состоятельные люди.

Клукхон сказал нам:

— Видите танцующего светловолосого человека? Это Джон Кеннеди, возможный преемник Эйзенхауэра. Хотите, я познакомлю вас с ним?

И Клукхон отошел.

Кеннеди остановился и направился к нашему столику. Мы поднялись. Протянули друг другу руки.

— Это очень хорошо, что вы приехали,— сказал Кеннеди.— Вам будет любопытно посмотреть на Америку в эти дни. У нас растет большой интерес к России.

Мы сказали, что собираемся побывать в нескольких крупных городах Америки.

— Желаю вам интересного путешествия,— улыбнулся Кеннеди.

Снова заиграл оркестр, и он, поклонившись, отошел от нас.

Он был молод и, казалось, ничем не был озабочен. Здесь, в Мэдисон-сквэр гарден, он стоял на ринге усталый, с озабоченным, уже чуть одутловатым, бледным лицом.

В воскресенье вся наша группа уехала в один из университетов, расположенный километрах в ста от Нью-Йорка.

Мы с Погодиным и профессором Борисом Волчеком отправились на Бродвей смотреть «Вестсайдскую историю». Картина была сделана по музыкальной пьесе, поставленной на Бродвее в 1957 году. В нашей прессе о фильме писалось уже немало. Никаких особых сюжетных открытий в нем не было. Но было что-то такое, что приковывало внимание зрителей. Авторы фильма взяли старый шекспировский сюжет «Ромео и Джульетты». Только происходило все в Нью-Йорке, рассказ шел о трагической любви американского юноши и пуэрто-риканской девушки. Может, потому, что мы накануне исколесили на автобусе Нью-Йорк, посмотрели его окраины, кварталы с каменными громадами, грязные улицы, железные пакгаузы и гулкие мосты, то есть те места, в которых происходит действие этого фильма, картина произвела на нас сильное впечатление. Уже позже, в Вашингтоне, беседуя с помощником Кеннеди по вопросам печати Сэлинджером, Погодин сказал:

— Хороший фильм, правдивый. И хотите вы или не хотите, но и социальный. Если бы мое право, я купил бы его для нас.

Помнится, Сэлинджер тогда поморщился.

— Фильм не отражает американского образа жизни. Он создаст у вашего зрителя неправильное впечатление о жизни Америки.

— Нет, нет, не говорите,— не согласился Погодин.— Мы просто с разных точек зрения смотрим на жизнь.

Этот разговор происходил в Вашингтоне. А здесь, в Нью-Йорке, он как-то по-иному заставил нас посмотреть и на воскресный дневной Бродвей и на тех, кто шаркал по его тротуарам.

— Не хочется ехать в отель,— сказал Погодин, выходя из кинотеатра.— Зайдем в бар, пропустим по коктейлю. Какой коктейль вы можете предложить, Алеша? — обратился он к нашему гиду и переводчику.

— «Манхэттен».

— Звучит,— произнес Погодин.— Пошли.

Сидя в баре и потягивая через соломинку «манхэттен», Погодин говорил:

— Куда загнали любовь? На камни и пустыри. А она, как трава, из-под камня растет. Это — главное в фильме. Помните, что поет этот мальчик Тони, после того как зарезал в драке брата своей возлюбленной? Как там, Алеша?

— Я не помню дословно, но примерно следующее: «Где бы вы могли на земле найти место, где могли бы жить счастливо?»

— Вообще-то, Алешенька, такое место есть на земле. Это — место, откуда мы к вам прилетели... Но это, Алеша, не тема нашего разговора.— И, уже обращаясь ко мне, задумчиво произнес: — Главное в искусстве — показывать правду жизни. И еще: нельзя основному и любимому делу отдаваться урывками. Но что я имею в виду, скажу вам несколько позже. А пока могу сказать только одно: когда выберешься на горку, многое видится лучше, мелкими-мелкими кажутся всяческая литературная возня и копошение. В искусстве нужно многое: и одно, и другое, и третье... Нельзя, чтобы было только одно. Беспрекословно одно. Это нельзя. Это запрещается...

И снова визиты и встречи. Погодин вошел в ритм. В точно назначенное время он всегда был в фойе отеля. Вместе с ним мы отправились на прием к редактору и издателю журнала «Лук» мистеру Коулсу. Коулс бывал в Москве, был принят Никитой Сергеевичем Хрущевым, взял у него интервью, облетевшее весь мир. Усевшись за низенький мраморный стол, Коулс сказал:

— В ближайшее время в Москву поедет группа редакторов влиятельных американских газет. По-моему, это — хорошее дело... Я бы хотел, чтобы между нашими странами улучшились отношения. Я лично хотел бы этому всячески содействовать. Я ведь не первый раз был в Москве. Бывал и при Сталине. Хотите, расскажу смешной эпизод? На одном из приемов в Кремле я оказался между двумя вашими военными. Я предложил им соревноваться: кто больше выпьет. К концу приема я еще мог подняться, но мои соседи остались на месте. Тогда, признаюсь, я совершил необдуманный поступок... Но, учтите, я тоже был хорош. Я подошел к Сталину, привел его к своему месту и показал на моих соседей. Сталин был разгневан. Появились четверо господ и под руки увели моих соседей. Надеюсь, что с ними ничего не произошло?

Я видел, что Погодину «эпизод» не очень пришелся по душе, но он сдержался.

— Да, конечно, встречи бывают разные. Вы знаете, я писал своего Картера из пьесы «Темп» с одного американского инженера, принимавшего участие в строительстве тракторного завода в Волгограде. И, знаете, этот инженер уверял меня, что путь, который выбран Советским Союзом, приведет к победе. Мы много с ним провели вечеров, не скажу, что мы не употребляли тот напиток, в поглощении которого вы соревновались с вашими соседями, но мы не спаивали друг друга.

— Да, конечно, бывает и так,— согласился Коулс.

— Я бы хотел задать вам вопрос. Я слышал, что наш Художественный театр должен приехать на гастроли к вам. Может ли театр привезти мои «Кремлевские куранты»?

— Думаю, что это возможно, если там нет прямых выступлений против капитализма.

— Там есть встреча Ленина с Уэллсом. Вы, наверное, знаете, что такая была.

— Да, слышал.

— Уэллс высказывал Ленину прогнозы, что Россия погибнет. Уэллс, как вы знаете, ошибся и позже признался в этой ошибке...

Коулса разговор, видимо, не очень устраивал.

— Поговорите с Даулингом, это его сфера занятий.

— Я поговорю, но, может, вы нам скажете, почему в ваших театрах не играют современных русских драматургов? Дальше Чехова никого не ставят.— Погодин вытащил блокнот.— Вот я вам зачитаю, каких американских драматургов играют у нас.

Он начал называть фамилии: Артур Миллер, Лилиан Хеллман, Стейнбек...

Коулс слушал не очень внимательно.

— Поговорите с Даулингом...

— А вы не скажете, почему из программы ансамбля украинского танца были изъяты современные танцы по мотивам якобы советской пропаганды?

— Поговорите с Даулингом... Это не моя сфера.

Мы вежливо простились.

Уже совсем перед отъездом мы посетили бывшего сенатора Бентона, издателя и владельца Британской и Американской энциклопедий.

Он жил в гостинице, в большом, многокомнатном номере. Человек острый, словоохотливый, внешне похожий на сбрившего бородку сатира, он принял нас радушно и сразу подарил по увесистому тому ежегодного энциклопедического сборника. Раскрыв британское издание ежегодника, он показал снимок триумфальной встречи Юрия Гагарина в Лондоне.

— Я даже не рассчитывал, что мои молодчики подберут такой отличный снимок! Ну как, вы довольны? Знаете, я собираюсь в Москву. Откровенно, я не знаю, что меня там ожидает. Но я хочу познакомиться с вашими энциклопедистами. Мы можем быть полезны друг другу. У меня ведь дело поставлено отлично. Мое издание — самое прибыльное издание в мире.

Он долго, со всеми энциклопедическими подробностями рассказывал нам о Нью-Йорке. И это было интересно. Но любил он Чикаго. О Чикаго он говорил нежно.

— Вас там отлично примут. Я позвоню. Говорят, что вы были на 45-летии Кеннеди. Это вас Даулинг, конечно, направил, заплатив по 500 долларов за билет? А вы знаете, почему такие дорогие билеты на этот не круглый юбилей президента? Демократическая партия имеет около миллиона долларов дефицита. Вот по случаю юбилея решили на билетах и покрыть. Вам это нравится?

Мы уезжали в этот день в Филадельфию. Надо было торопиться, а Бентон хотел еще показать картины. И показал. Он поднял со стола массивный золоченый ключ и сказал:

— Ключ от спальни какой-то вашей императрицы.

Затихший под словесным напором Бентона Погодин вдруг оживился и, озорно мне подмигнув, сказал:

— Смотрите, обманут. У нас тоже есть ухари не хуже ваших.

Когда мы садились в машину, Погодин все еще улыбался:

— Ключик императрицы — и издатель Британской энциклопедии? Да, придется мне некоторых героев мужского пола в моем «Эйнштейне» переписывать. Шире стандарта получается...

Окончание в следующем номере.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Рембрандт. Автопортрет. 1627 год.

СЫН ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

«...Не почести, но свобода».
Рембрандт.

ЮПИТЕР ТВОРИТ ЧУДО

Июль 1956 года. В это жаркое лето над входами крупнейших музеев и картинных галерей мира развевались флаги Голландии. В залах, украшенных цветами, играла музыка, произносились торжественные речи. Земля отмечала трехсотпятидесятилетие со дня рождения Рембрандта Гарменс ван Рейна.

В те же дни была открыта выставка произведений Рембрандта в Москве, в Музее изобразительных искусств.

Беломраморный зал был заполнен до отказа. Сверкали блицы репортеров, в микрофоны давались очередные интервью; было нестерпимо жарко от света юпитеров — шла съемка кинохроники. Люди толпились у картин, очарованные мощью кисти художника.

В центре зала на видном месте экспонировалось гениальное полотно Рембрандта «Возвращение блудного сына».

...Из глубокого сумрака холста льется таинственный свет. Он мягко обволакивает фигуру слепого отца, шагнувшего из тьмы навстречу бродяге-сыну, который припал к коленям старика, прося прощения. Окружающие как бы застыли в ожидании слов. Но слов нет. Только руки, зрячие руки отца ласково ощупывают дорогую плоть. Молчаливая трагедия узнавания, всепрощения, возвращенной любви...

И вдруг в этой приподнятой атмосфере вернисажа произошло чудо.

Луч юпитера упал на холст. С неведомой ранее силой заблистали краски картины — и без того живые фигуры, будто ожили. Ожил спокойный и казавшийся темным фон. Под лучами яркого света пораженные зрители увидели новые фигуры, детали доселе незримой архитектуры. Весь задний план обрел новую жизнь; светлый, золотистый, он трепетал в лучах прожектора.

Резкий щелчок вывел всех из оцепенения, свет погас; снова перед публикой был знакомый шедевр с померкшим фоном, с привычным темным колоритом...

Что же случилось?

За миг пролетело три с половиной века. Чудом исчезла патина времени, и мы оказались у только что написанного холста. Все на мгновение увидели Рембрандта, пишущего этот холст, полного сомнений и раздумий. Художника, безжалостного к себе, способного уничтожить любую деталь во имя целого; неистового гения, прожившего жизнь, полную тревог и страданий, и создавшего этот огромный холст в 1669 году — шестидесяти трех лет.

1669 год. В книге записей Вестеркирке помечено: 4 октября 1669 года похоронен Христа ради Рембрандт ван Рейн.

Художник был погребен рядом с преданной своей подругой Хендрикье Стоффель, прошедшей с ним дорогу, полную лишений.

В последний путь Рембрандта провожал один человек — его дочь Корнелия. Стряпчий, составивший опись имущества, записал «десяток колпаков, три фуфайки и предметы необходимые для живописи».

600 картин, 300 офортов, 2 000 рисунков не были занесены в реестр: они были давно заложены, проданы, прожиты...

Едва ли на свете есть художник, о котором написано столько книг, статей, пьес, отснято столько фильмов, где он справедливо причисляется к сонму величайших творцов мира. Одна беда, что все эти мадригалы написаны через многие годы после трагической кончины художника.

ОЧАРОВАННЫЙ СЫН МЕЛЬНИКА

Старые ивы шумят под напором свежего, пахнущего морем и сеном ветра. Ветер водит в высоком небе стада облаков, крутит крылья мельниц, гонит волны по зеленому морю лугов, сносит в сторону одинокую цаплю, взлетевшую над каналом.

Рембрандт бредет по широкому полю. Его окружает светлый, будто кованный из серебра мир. Неяркие лучи солнца, закрытого бегущими облаками, тают в прозрачном, насыщенном влагой воздухе. У ног снуют юркие ящерицы; на лицо и плечи, поблескивая крылышками, садятся стрекозы. «В отечестве ты откроешь,— думает Рембрандт,— так много любезного сердцу, приятного и достойного, что, раз отведав, найдешь жизнь слишком короткой для правильного воплощения всего этого. И на самых ничтожных вещах можно научиться осуществлять основные правила, которые окажутся пригодными для самого возвышенного».

Внезапно лучи солнца прорвали перламутровую плотину облаков, хлынули на землю. Вмиг преобразился лик природы. Нестерпимо ярко загорелись заливные луга, серебром заиграла рябь канала, и даже темные кущи камыша стали отливать старой бронзой. Живей закрутились крылья мельниц, веселей зарумянилась черепица на белых домиках. Казалось, сама земля раскрыла натруженные ладони, собирая в пригоршни редкие дары тепла.

Рембрандт, очарованный дивной картиной родины, остановился. Резкий ветер сорвал шляпу, распахнул плащ, растрепал длинные кудри. Но вот снова померкли краски пейзажа. Только в темных водах канала дрожали затерявшиеся блики света... Рембрандт отыскал шляпу, вытер лицо и зашагал к городу.

Наутро дилижанс мчал молодого художника в Амстердам. Это был 1631 год...

Мастерство молодого Рембрандта из Лейдена уже давно замечено и публикой и художниками.

«Этот гений — прямо от сохи,— пишет один из современников.— Если мы спросим, у кого он учился, то узнаем, что родители из-за отсутствия средств могли дать ему лишь самых обычных учителей. Так что юноша обязан всем только себе... Заслуживает порицания его отказ посетить Италию, где бы он мог достичь вершины искусства, но он утверждает, что, будучи в расцвете сил, не имеет для этого времени».

К счастью, Рембрандт не послушал ничьих советов. Он рисовал и писал как одержимый.

В Лейдене молодой мастер создает картины, которые сделали бы честь Рембрандту поздних лет. С редкой силой он раскрывает в них свое могущественное владение светом. Его «Христос в Эммаусе» удивительно сочетает таинственность сюжета с абсолютно реальными средствами решения.

Реальность и сказка, обыденность и неудержимый полет фантазии. Откуда это у деревенского парня?

...Долгий зимний вечер. За окном метет вьюга, а на чердаке старого дома стонут балки и слышно, как на крыше скрежещет продрогший ржавый флюгер. Как славно тогда сидеть у жарко натопленной печи и слушать рассказы соседа-моряка о далеких чудесных краях, где бушуют горячие бури, где мимо древних храмов и роскошных пальм проходят караваны слонов, груженных драгоценными тканями, пряностями и золотом!

Неторопливо журчит рассказ, вьется дымок из диковинной трубки старого матроса, злыми огоньками горят глаза обезьяны, сидящей у него на плече.

На миг затихает метель, раздается уютная песнь сверчка. Поблескивают чисто вымытые изразцы печи, звякают тяжелые фаянсовые кружки с крепким пивом. Широкоплечие, с покрасневшими потными лицами, сидят крестьяне. Они-то знают цену болтовне старого бродяги; довольно усмехаясь, знай подливают пиво в его быстро пустеющую кружку. Кормят орехами обезьяну.

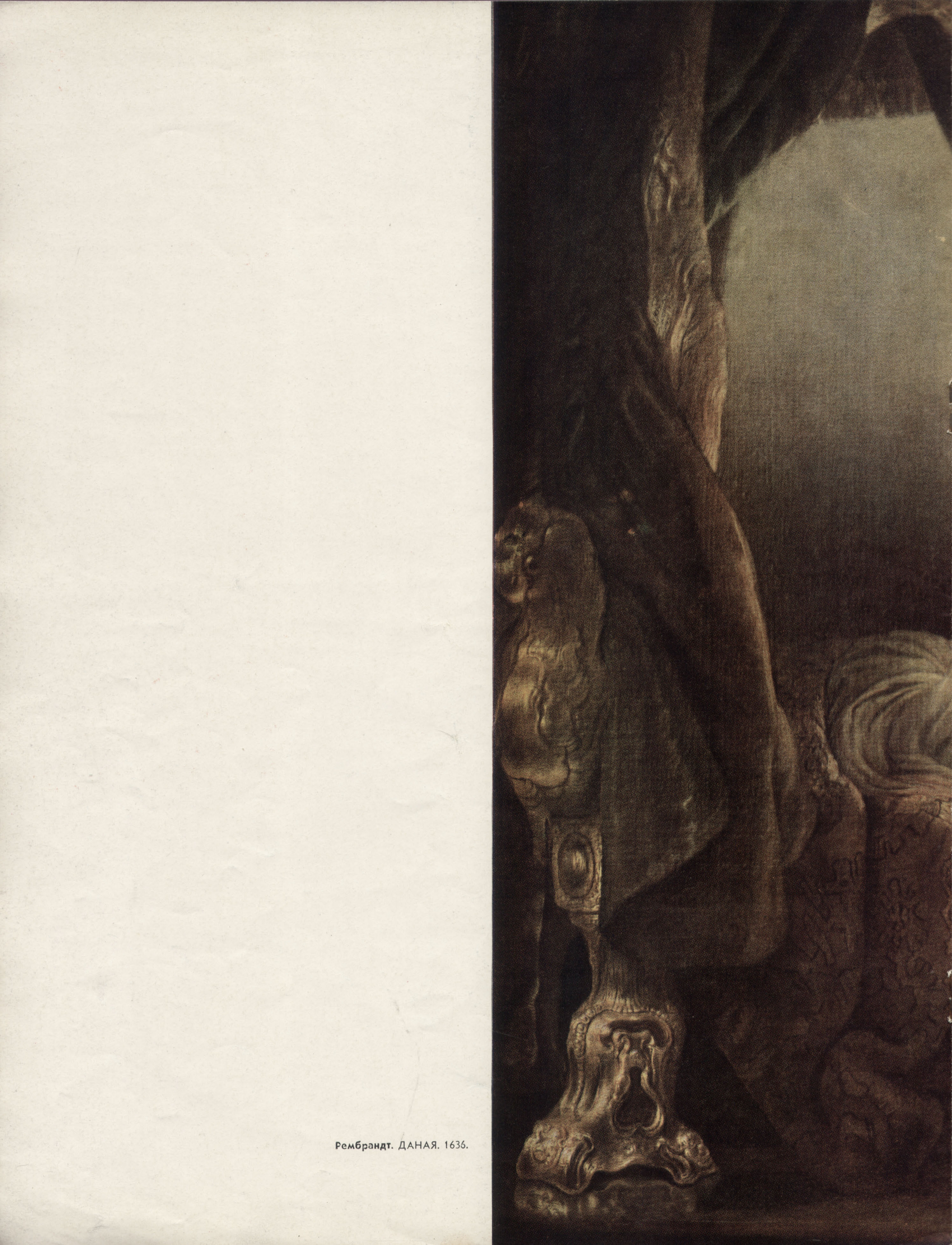
А моряк продолжает рассказ. В свете свечи его темное, обветренное лицо с запавшими глазами, глубокими морщинами на лбу и с провалом беззубого рта похоже на античную маску. Он не слышит смеха соседей,— он сейчас там, за стеной ураганов и тайфунов, в стране обетованной...

Эти рассказы юный Рембрандт запомнил на всю жизнь. Они оставили у него неизгладимую любовь к таинственному Востоку — к чудесным легендам, к сказке, сотканной из правды и вымысла.

Простой уклад в доме мельника не мешал ему жить в мире грез. Бродя по берегам, заросшим осокой, забираясь на мельницу, слу-

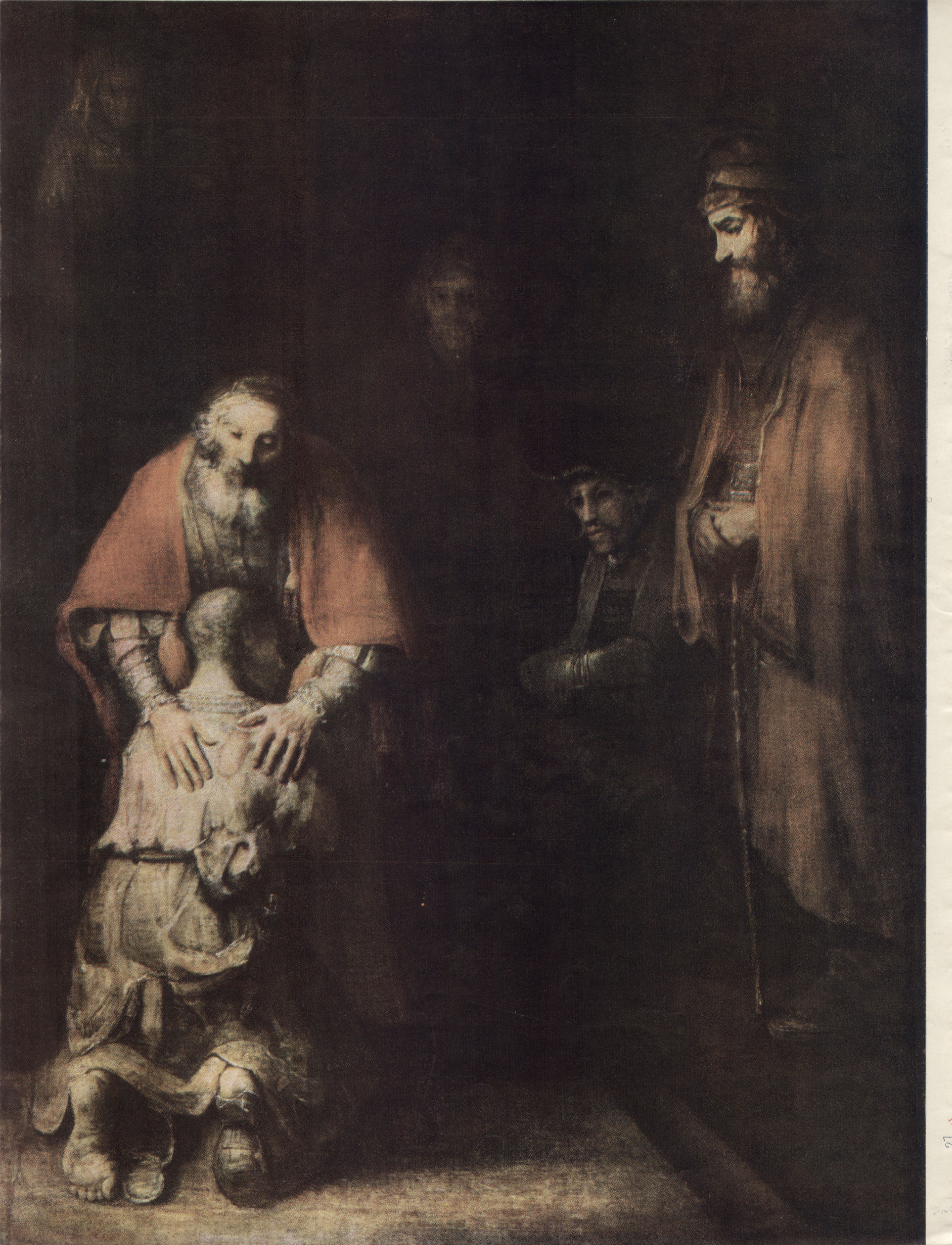
Рембрандт. 1606—1669.
ПОРТРЕТ ЖЕНЫ БРАТА РЕМБРАНДТА. 1654.
Государственный Эрмитаж.

Рембрандт. ДАНАЯ. 1636.

шая мерное посапывание тучных коров, мальчик мечтал о полуденных странах. А когда повзрослел и стал рисовать, крестьяне смеялись над ним. Но Рембрандт был упрям. Он искал свое солнце, превращающее простую дорожную пыль в золото, крестьянку — в царицу, а немощного старика — в пророка. И он нашел свое солнце. Оно зажглось в очарованной душе.

ЖЕМЧУЖИНА И КЛЕОПАТРА

Вглядитесь в «Автопортрет», написанный в 1627 году. Художнику еще нет и двадцати двух лет. На нас глядит парень с крепкой мужицкой шеей. На его энергичном добродушном лице пытливые, острые глаза. Превосходно вылеплен этот портрет, он как бы облит мерцающим светом. Манера письма Рембрандта уже глубоко индивидуальна, и его мазок уверен, полон силы, он лепит форму сочно, словно следуя совету Иорданса: «Надо весело класть краску». И он лишет широко, густо.

Вот что писал Мансар: «Картины Рембрандта перегружены красками, он редко сливал краски, накладывая их одна на одну и не смешивая».

Почем было знать Мансару, что Рембрандт предвосхитил живопись импрессионистов XIX века? Недаром Рембрандт всегда просил заказчиков повесить картины таким образом, чтобы зритель мог стоять от них достаточно далеко для должной оценки. Он просил «не нюхать» его картины.

Рембрандт был необычайно темпераментен. Владевший им порыв заставлял его порою писать холст сразу, без традиционной подготовки рисунка. Это новаторство было возможно только при феноменальном владении формой.

Поверхность холстов Рембрандта неповторима. Светá его картины «нагружены» до отказа, зато в тенях они исполнены тончайшими лессировками. Эта контрастность фактуры придает его картинам неповторимую свежесть, жизненность. Рембрандт писал красками особой тяжести и плотности — густым красочным «тестом», которое он наносил то кистью, то мастихином, то просто пальцем. Писал на лаке особой консистенции, напоминающем густой мед.

Присмотритесь внимательно к портрету «Жены брата», опубликованному на вкладке. Он написан в 1654 году. Лицо и руки будто выложены из тончайшей цветной мозаики. Кисть художника трепетно рисует форму, отмечая самые тонкие детали. Но, несмотря на блестяще написанные подробности, как превосходно подчеркнут характер!

По глубине характеристики, колориту и артистичности письма портрет — вершина мирового искусства.

Но не эти приметы делают живопись Рембрандта единственной и неповторимой.

Его творения отличает удивительный мерцающий с в е т, пронизывающий весь холст. Не контур, не сухая моделировка, а свет и только свет — хозяин картины.

Портрет как будто предельно статичен. Полностью отсутствует эффектность, поза, жест. Однако с какой потрясающей силой ведет немой разговор со зрителем эта старая женщина!

Как же удается Рембрандту раскрыть такими скупыми средствами с у д ь б у человека?

Художник находит самое главное, самое выразительное. Находит предельно простое и поэтому великое решение.

Рембрандт по-своему понимал з а к о н ч е н н о с т ь холста. Он говорил: «Картина закончена, как только художник осуществил в ней свое намерение». Рембрандт всегда настолько остро чувствовал эту сверхзадачу, что часто жертвовал многим во имя целого. Хоубракен пишет: «Рембрандт смог замазать прекрасную Клеопатру, лишь бы заставить сильнее блестеть одну-единственную жемчужину».

Рембрандт. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА. 1668—1669 годы. **Государственный Эрмитаж.**

Рембрандт. Автопортрет с Саскией на коленях. Середина 30-х годов XVII века.

ШКУРА ЛЬВА, ДАНАЯ И ЗАСТЕНЧИВЫЙ ФЕДОР ГОРДЕЕВИЧ

Живопись Рембрандта покорила Амстердам, слава художника росла. Он работает без устали. Создает десятки портретов, композиций, сотни рисунков и офортов. Рекой потекли к нему деньги. Его окружали многочисленные ученики и друзья. Вскоре он женится на дочери амстердамского патриция Саскии ван Эйленбурх. Небосвод его судьбы очистился, на нем — ни облачка.

Рембрандт верил в волшебную силу своего дарования; он верил в могущество своей кисти и позволял себе нарушать многие каноны чопорного мира амстердамской знати. Этот мир, сегодня славящий его светлый дар, жестоко отомстит ему завтра.

Его «Автопортрет с Саскией на коленях» — отражение упоения жизнью, пожалуй, самый безмятежный шедевр Рембрандта. Он поднимает тост за удачу и бросает вызов своим недругам.

А недоброжелателей у него хватало. Вот что пишет о нем итальянец Бальдинуччи: «Он был чудаком первого сорта, который всех презирал... занятый работой, он не согласился бы принять самого первого монарха в мире, и тому пришлось бы уйти».

В дополнение всех грехов этот «чудак» Рембрандт любил встречаться с простым людом, пренебрегая обществом денежных мешков. Когда один из художников упрекнул его за это, он ответил: «Я и щ у н е п о ч е с т и, н о с в о б о д у».

Он был щедр и, когда мог, тратил огромные деньги на приобретение уникальных творений Микеланджело, Рубенса, Рафаэля; он скупал драгоценную утварь, оружие, ткани. Голландские корабли уходили к далеким берегам и привозили из знойных стран сказочные дары. Свои детские мечты Рембрандт превращал в реальность, его дом на Бреестрит был похож на дворец из сказок Шехерезады. При больших заработках он влезал в долги, закладывая картины. Но, несмотря на головокружительный успех, он не стал модным художником. Все определенней становится его суровый и правдивый почерк. Все чаще и чаще заказчики остаются недовольны портретами, созданными неумолимой кистью. Все определенней и глубже намечается трещина между широким, простодушным художником и знатью города. Сын мельника не пришелся по нраву чопорным патрициям, и кризис не замедлил наступить, неумолимый и жестокий. Банда кредиторов знать не хотела гениального художника, она видела в Рембрандте беззащитную жертву. Пощады ждать было неоткуда...

«Инвентарь картин, мебели и домашней утвари, принадлежащих Рембрандту ван Рейн, проживающему по ул. Бреестрит близ шлюза св. Антония» — так называлась опись имущества Рембрандта, объявленного несостоятельным должником. Вот один из параграфов этого посвоему замечательного документа:

«§ 11. В передней мастерской. № 346. Шкура льва и львицы и два пестрых платья. № 347. Большая картина, Даная. № 348. Выпь с натуры, Рембрандта».

«Даная» под номером 347... Шедевр мировой живописи, который вы видите на нашей вкладке, оценен неумолимым стряпчим вместе с оловянными баками и старыми стульями.

«Даная», песнь песней Рембрандта, жемчужина Эрмитажа!

Художник не польстил любимой жене, с которой писал картину. Вы не найдете в фигуре женщины пропорций Джорджоне или изящества веласкесовской Венеры. Правдиво, без прикрас написана Саския — немолодая женщина, не раз рожавшая детей. Но так велико очарование живописи, так с в е т о з а р н а Даная в мерцании драгоценных тканей и металлов, освещенная трепетным золотистым сиянием, что забываешь обо всем. И чем больше смотришь на полотно, тем больше ощущаешь дивную власть волшебства Рембрандта.

Несмотря на всю телесность Данаи, эта картина — одна из самых целомудренных картин мировой живописи.

Правда, находились современники Рембрандта, которые упрекали его, говоря, что он, когда писал обнаженную женщину, «то брал моделью не греческую Венеру, но прачку или работницу с торфяных болот и называл свое чудачество подражанием природе. Все иное остальное казалось ему пустыми прикрасами».

Трудно придумать большую похвалу живописцу! Но времена были другие... Об уровне вкусов этого «критика» можно судить по той похвале, которую он источает бывшему ученику Рембрандта Миколо Маесу, который «вовремя» бросил учителя, ибо понял, «что дамам больше по вкусу светлые краски, чем коричневый тон».

По этому поводу можно лишь порадоваться, что, к счастью, купчихи не всегда так всемогущи, чтобы диктовать свои вкусы гениальным художникам, как это иногда случалось в истории.

В к у с ы, в з г л я д ы... Мы останавливаемся на этом моменте с известным трепетом, так как знаем, что некоторые не жалуют тех, кто не разделяет их взглядов на вопросы культуры и искусства.

Вот один скромный пример. Журнал «Огонек» опубликовал шедевры гениального Микеланджело. Четырехсотлетие со дня его рождения отмечал весь мир. И мы посвятили этому событию вкладку с бессмертными творениями Буонарроти. Однако нашлись читатели, которые не заметили ни пластики творений гения, ни целомудренности и чистоты его резца, создавшего могучие образы — «Давида», «Адама», «Моисея». Скульптуры, потрясающие зрителя,— гордость человечества.

Но нет, это не взволновало их! Они разглядели во всем этом лишь... нарушение морали! Нет нужды цитировать бездну воинствующей глупости, пошлости, вылитую на нескольких страничках писчей бумаги. Возьмем лишь письмо одного из самых застенчивых блюстителей нравственности, Федора Гордеевича З.

«Мы получили на днях журнал № 8,— пишет он,— и когда открыли его, то были очень возмущены такими картинами, которые на нем нарисованы, сильный человек с подписью «Давид», в голом виде, как мать родила, второй тоже лежит голый с подписью «Адам», спрашивается, зачем их показывать в таком виде... зачем это такая наглость.

В общем, дорогая редакция, я прошу извинения, что я так пишу. Может, я и не прав, но мне кажется, что можно было нарисовать хотя бы в брюках или трусах...»

...Да простят нас читатели за это далеко не лирическое отступление.

ГОРОД СТА ОСТРОВОВ

Ни единый шорох не смущал покоя заснувшего канала. Казалось, ночь онемела, оглохла. Рембрандт бросил весла и прилег на корму

лодки. На него опрокинулась черная чаша неба, исколотого звездами.

Безмолвие длилось мгновение. Где-то на башне пробили куранты. «Полночь. Пора домой. А зачем? Кто тебя ждет в доме на канале Роз?» Рембрандт снова взял весла; темные дома обступили канал, ажурные мостики во мраке казались невесомыми, в бездонном небе влажной кляксой бредет по небу луна; толкаясь с бегущими тучами, она задевает за острые крыши домов, за шпили башен. Из темноты выплыл бревенчатый плот, на нем горел маленький очаг, бросая красный след. По мосту прошли иностранцы в высоких шляпах, впереди слуга нес фонарь. Где-то в дом ломился гуляка, нещадно стучал колотушкой в дверь; наконец в ставнях загорелось выпиленное сердечко — зажегся огонь, потом стал слышен звук отодвигаемого засова, и звонкая оплеуха дополнила эту немую сцену...

Рембрандт. Автопортрет.

С набережной донесся четкий солдатский шаг — шел ночной дозор. Луна осветила неверным сиянием трепещущие знамена, эмблемы и значки; затем шаги замолкли, и снова тяжелая тишина окутала город.

Навстречу лодке по реке плыл крошечный светлячок. Рембрандт нагнулся и поймал его. Маленький женский деревянный башмачок оказался в холодной воде.

В пышном саду играли на лютне и сладким голосом пели канцонетту.

«Итальянщина»,— морщится Рембрандт. Его голос глухо и зловеще прозвучал во мгле. «Истинно сова»,— подумал художник.

«Совой» прозвал Рембрандта поэт Вондель за нелюдимость и любовь к ночным прогулкам... Судьба жестоко расправилась с пожилым художником. Умерла Саския; он разорился, дом, картины, имущество продали с молотка, а сам он с сыном Титусом и доброй Хендрикье ютится в «берлоге» на Розенграхт— канале Роз. Этот квартал — «царство нищеты», бездна несчастья. Гетто.

Рембрандт скупает у старьевщиков бутафорский хлам — узорные тюрбаны, заржавленные мечи, парчу — и наряжает в них близких, а порою самого себя, и пишет исторические сюжеты, в которых все с той же невиданной силой мерцают драгоценные сплавы огненных красок и мечта художника о царстве солнца.

Его бросили ученики, променяв суровую судьбу истинного живописца на эфемерную славу модных художников.

Итальянщина захлестнула Голландию. Гладкие, тонко выписанные портреты, пустые и бездумные, покоряли заказчиков, льстили их тщеславию.

Рембрандт создал в эти годы галерею поразительных портретов. Его мятущаяся душа вызвала из мрака целый сонм униженных и обездоленных людей и заставила их стать величественными и вечными. На его холстах перед нами встают образы стариков, будто кованных из бронзы, с лицами пророков, все видевших и принявших полную чашу горя.

Ренуар как-то сказал, что античные скульптуры внешне статичны, но он верит, что каждая из них может двигаться и жить. Персонажи портретов позднего Рембрандта кажутся неподвижными, немыми. Они застыли в суровом молчании и в глубоком раздумье.

Но и античные герои и обитатели канала Роз рассказывают о себе и о своем времени больше и правдивей, чем многотомные писания иных историков и литераторов...

Творения Рембрандта этих лет как бы служили преградой потоку пустой и пошлой живописи, хлынувшей на его родину. Он был подобен легендарному голландскому юноше, который спас Нидерланды от наводнения, закрыв брешь в плотине собственным телом.

Разбитый тяжелой подагрой, полуслепой, потеряв близких, друзей, Рембрандт остался один на один со своим роком. Последние годы его жизни — предел человеческих испытаний. И в этом горниле судьбы он выковывает свой последний шедевр.

РАССВЕТ

Камин погас. В мастерской сразу стало холодно. От каменных стен веяло сыростью. За окном гудела непогода, выл шалый зимний ветер, бросая ледяную крупу в стекло. У рамы намело горку снега. Снег не таял.

Рембрандт в рабочем халате, в белом грязном колпаке, в накинутой на плечи старой шали стоял на помосте у огромного холста. Его скрюченные от подагры руки еле держали свечу; сало таяло и капало на руки, на лежащую у ног палитру. Сумерки залили мастерскую синим мирным светом; медленно, мерно тек песок в часах... Надо спешить, уходит время. И неистовый Рембрандт пишет «Блудного сына» — огромный холст.

Он пишет его красками горячими, глубокими, тертыми из червонного золота, бычьей крови и ночной тьмы. В душе Рембрандта, отданной солнцу, еще бушует огонь. Он постиг драму нищеты в городе, полном довольства, наслаждений и золота. Увидел во всей наготе схватку добра и зла и воплотил ее в своих полотнах.

...Растаял морозный узор на окне, звякнули упавшие сосульки, зажурчали вешние капли. В мастерскую ворвалась весна, запахи цветущих каштанов. По сырым стенам побежали быстрые тени, в воздухе запахло соленым морским ветром, хлопали ставни... Солнце победило стужу.

Рембрандт не покидает холста, он прикован к работе.

Прошло лето. На голых ветках деревьев черные тучи ворон. Вороний крик становится невыносимым, как одиночество. Рембрандт один, один, как перст: кроме юной Корнелии, у него нет никого.

Силы тают, но холст не закончен, и художник продолжает титаническую борьбу с недугом, с надвигающимся мраком...

Как-то осенним вечером он не выдерживает заточения, тихо, чтобы не слышала дочь, спускается по скрипящим ступеням лестницы, отодвигает тяжелый засов и, растворив дверь, выходит на улицу.

...Рембрандт проснулся в порту. Его плащ был мокр от росы.

В пепельной дымке пробивались первые лучи солнца. В предутреннем тумане стоял не то стон, не то колокольный звон — корабли тянули цепи. Безлюдье. Разбуженные голодные чайки плещутся в голубом огне восхода. Их крики печальны и пронзительны.

Рассвет набирал силу. Где-то на корабле пробили склянки, и им отозвались далекие куранты. Солнце овладело и небом и морем и взошло в слепящем ореоле.

Рембрандт долго глядел на победоносное шествие света. Его глаза устали, и он опустил их. Среди древних камней мостовой, истертых столетиями, пробился зеленый росток. Он нагнулся и погладил его жесткие листья...

В сиянии нового утра пробуждалась Голландия, пробуждалась планета Земля.

22 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА СОВЕТСКАЯ АРМИЯ ОСВОБОДИЛА ТАЛЛИН ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ.

Из 320 тысяч жителей Таллина 132 тысячи живут в новых квартирах.

Валовая продукция промышленности Таллина в 1964 году по сравнению с 1940 годом выросла в 14 раз.

В 1939 году в общеобразовательных школах Таллина занималось 18 тысяч учащихся, в 1964 году — 41 тысяча.

В 1939 году во всей Эстонии было 4 700 студентов, в 1964 году только в Таллине занимается свыше 9 тысяч студентов.

В 1940 году в Таллине на 10 тысяч жителей было 20 врачей, в 1964 году — 47 врачей.

Рауоль ВИЙЕС,
председатель правления эстонского Общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами

Фото Виктора САЛЬМРЕ.

Есть такая старая эстонская поговорка: у хорошего ребенка много «имен». Так и Таллин. Одни называют его портовым городом, другие — городом-строителем, третьи — городом-музеем, четвертые — городом уютных кафе, пятые — спортивным, туристским городом и т. д. Поверьте, что каждому таллинцу приятно согласиться со всеми этими названиями вместе и по отдельности. И когда к нему приезжают гости, он рад показать им свой город во всей его красе.

А гостей в Таллине много — и из братских советских республик и из-за рубежа. Мне по долгу службы больше приходится встречаться с зарубежными гостями, поэтому я имею возможность часто смотреть на наш город их внимательными глазами. Каждый из них видит Таллин по-своему, по-разному.

ПРЕЗИДЕНТ ФИНЛЯНДИИ УРХО КАЛЕВА КЕККОНЕН во время своего визита к нам обратил внимание на завод ртутных выпрямителей имени Калинина.

— ...Продукция этого завода показалась мне высококачественной, и рабочие, с которыми я там беседовал, обладали очень высоким профессиональным мастерством.

В СТАРОМ ТАЛЛИНЕ.

ВЫШГОРОД — КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

...мательными глазами гостей

ЙОЖКА МАТЕЙ, ЧЕШСКИЙ КОМПОЗИТОР, гость традиционной Таллинской Музыкальной весны:

— В эстонской народной музыке есть строгая северная красота. Есть она и в архитектуре Таллина. Этот город-музей на морском берегу навсегда останется в памяти.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЖАН ПОЛЬ САРТР:

— Таллин такой город, душу которого француз чувствует с первого взгляда: нам понятно и близко стремление ввысь таллинских архитектурных ансамблей. Темп же нового строительства, по-моему, просто фантастичен: там, где два года назад был лес, вырос теперь новый район Мустамяэ, в котором живут десять тысяч человек!

СОТРУДНИК КОПЕНГАГЕНСКОГО НАРОДНОГО МУЗЕЯ ДОКТОР ЭРИХ МОЛЬТКЕ:

— Таллинский Вышгород и городская стена с башнями радуют сердце и глаз каждого историка. Мне, как ученому, импонирует то обстоятельство, что реставрации и реконструкции предшествует основательная исследовательская работа...

Тридцать лет назад приезжал в Таллин молодой ШВЕДСКИЙ УЧЕНЫЙ СТЕН КАРЛИНГ. Он участвовал в раскопках исторического монастыря в Пирита и начинал тогда писать научную работу «История искусства Таллина». Нынче летом он снова навестил Эстонию — уже секретарем Шведской Академии наук. Вот его впечатления:

— В первый же день я увидел, что Таллин — живой, с динамическим развитием город. Об этом говорят его новые районы. А то, что делает государство и городское управление для реконструкции старой городской стены, Ратуши, Доминиканского костела, Городского музея,— это просто удивительно. Все восстанавливается и реконструируется с большим знанием дела и с большим вкусом.

ЧЛЕН ДЕЛЕГАЦИИ ОБЩЕСТВА «НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ — СССР» ГЛЭДИС РИД:

— О-о, да, таллинские женщины и девушки одеты с большим вкусом. Мы видели модели Таллинского Дома мод, которые могли бы понравиться в больших торговых домах Окленда.

Недавно в Таллин приезжали зарубежные журналисты. КОРРЕСПОНДЕНТ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «ДИ ВЕЛЬТ» ХЕЙНЦ ШЕВЕ на вопрос: «Какие вы увозите из Таллина впечатления?» — ответил:

— Впечатления интересные. Меня заинтересовали некоторые мелкие факты, которые на первый взгляд имеют чисто локальный характер. Я считаю, что иные бытовые детали помогают создать верное представление и о более серьезных и глубоких сторонах жизни. В Таллине меня удивило обилие цветочных магазинов. Значит, у людей есть потребность в цветах. На улицах я встречал многих людей с завернутыми в бумагу цветами. Куда они шли? Домой? Следовательно, у людей есть желание и возможность украсить свой дом. В гости? Значит, у людей есть время и возможность для веселого общения с друзьями. Цветами украшены общественные места города, парки. Значит, наряду с другими вопросами магистрат заботится и о красоте города, и, главное, значит, у магистрата есть средства и на такие, в общем-то, второстепенные расходы...

В последние годы из-за рубежа в Таллин приезжают бывшие таллинцы, покинувшие свой город в разное время и по разным причинам.

ЭЛЛЕН СПАДА, ЭСТОНКА ИЗ США:

— Таллин очень изменился, я не узнала его сразу: много новых районов, обновилась старина. Я была в продуктовых магазинах и в новом универмаге. Жители Таллина, как и Нью-Йорка, могут купить в своих магазинах все необходимое. Улицы красивы, люди одеты хорошо и модно...

ЭЛЬЗА ТЕРРИ ИЗ КЕЙПТАУНА:

— Я увидела все, что хотела, о чем скучала. Таллин приготовил мне сюрприз: я думала найти и узнать все старое, но центр оказался новым, и многих улиц я не нашла совсем.

ОСКАР САВИК ИЗ АВСТРАЛИИ, который приезжал в Эстонию дважды, с промежутком в один год:

— Только за этот один год под Таллином заселился целый новый город Мустамяэ, открылись новые больницы, школы, магазины, кафе. Магазинов много, товаров много, и, как видно, деньги у таллинцев тоже есть — покупают и покупают...

* * *

Конечно, Таллин — морской город, и город-музей, и город передовой промышленности, город цветов и кафе, город искусства, город мира и дружбы...

Вот потому-то таллинцы так и любят его. Автор этих строк — тоже большой патриот своего города, его уроженец и воспитанник. Надеюсь, читатели великодушно простят мне приподнятый тон: он продиктован гордостью и любовью к своему городу, к его древности и к его сегодняшней красоте и молодости.

В НОВОМ ГОРОДЕ.

СПАСИБО ТЕБЕ, СОЛДАТ!..

К столетию I Интернационала.

Два письма

Ниже мы публикуем два письма одного из активных деятелей Русской секции I Интернационала, Николая Утина, адресованных члену Генерального Совета и секретарю-корреспонденту для Швейцарии Герману Юнгу.

Николай Утин, бывший студент историко-филологического факультета Петербургского университета, исключенный в 1861 году за революционную деятельность, был в составе руководящего органа «Земли и воли» и поддерживал связь с Чернышевским. Эмигрировав в Лондон, а затем в Женеву, он вступил в Интернационал и принял активное участие в создании Русской секции.

Юнг — по профессии часовщик, участник революции 1848—1849 годов в Германии, эмигрировал в Лондон, был бессменным секретарем-корреспондентом для Швейцарии и участником почти всех конгрессов Интернационала, поддерживая в нем линию Маркса. После 1872 года примкнул к реформистскому крылу Британского федерального Совета.

Русская секция была организована в Женеве весной 1870 года. В ее составе были русские политические эмигранты из разночинной демократической молодежи, последователи великих революционеров-демократов Чернышевского и Добролюбова — Н. Утин, А. Трусов, В. Бартенев и др. В отличие от остальных секций Интернационала в составе Русской секции активно участвовали женщины: Е. Бартенева и особенно проявившие себя в период Парижской коммуны А. Корвин-Круковская (сестра известного русского математика Софьи Ковалевской) и Елизавета Дмитриева.

Публикуемые письма относятся к периоду создания секции, к моменту, когда секция была принята в члены Интернационала и Маркс согласился взять на себя почетную обязанность быть ее представителем в Генеральном Совете. Это было 22 марта 1870 года.

Письмо Утина от 24 марта 1870 года перекликается с разработанной Русской секцией программой, в которой ставились задачи всеми возможными средствами пропагандировать идеи Интернационала, способствовать созданию интернациональных секций среди русских рабочих и стремиться установить прочные связи между трудящимися классами России и Западной Европы в их борьбе за освобождение.

Письма содержат резкую критику Бакунина, обличая его истинную реакционную сущность, скрытую под псевдореволюционной фразеологией. Отрицание необходимости политической борьбы рабочего класса, отрицание централизованной пролетарской партии и диктатуры пролетариата — таковы были основные положения бакунистов.

Маркс и Энгельс всегда последовательно отстаивали единство международного рабочего движения, решительно выступая как против открытых реформистов, так и против всяких «левых», авантюристических элементов, пытавшихся прикрыть свой оппортунизм ультрареволюционной фразой. Маркс разоблачал дезорганизаторскую, раскольническую деятельность бакунистов, которые в противовес I Интернационалу создали тайное общество «Альянс социалистической демократии». В разоблачении бакунизма и последующем его окончательном идейном разгроме очень большую помощь Марксу и Энгельсу оказала Русская секция Интернационала. Утину и другим членам Русской секции, находившимся за границей, удалось наладить связь с русским революционным движением.

Письмо Утина Юнгу от 24 марта 1870 года публикуется впервые по рукописи, хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Письмо Утина Юнгу от 1 апреля 1870 года публикуется впервые полностью. Отдельные выдержки из этого письма приводятся в книге Б. П. Козьмина «Русская секция Первого Интернационала».

Письма подготовлены к печати научными сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС И. М. Синельниковой и Е. В. Киселевой.

Н. И. УТИН

Н. И. УТИН — Г. ЮНГУ
24 марта 1870 года.
Женева

Дорогой гражданин Юнг!

Один из наших молодых русских друзей, член новой Русской секции собирается зайти к Вам, чтобы сообщить лично о нашем вступлении в Интернационал и дать разъяснения, которые Вы сочтете необходимыми относительно наших намерений вести пропаганду в России, а также относительно причин нашего открытого разрыва с Бакуниным и его сторонниками. Он со всей очевидностью докажет Вам, что поступки и поведение Бакунина гораздо более губительны для великого дела освобождения пролетариата, чем все дурацкие нападки наших официальных врагов. Давно пора разоблачить этих ложных друзей народа, так как иначе они не перестанут вредить нам. Впрочем, я думаю, что поведение Бакунина в Женеве Вам достаточно известно по письмам нашего друга Анри Перре [1] и по нападкам на **политическое** движение рабочих, появляющимся столь часто в газете «Progrès» [2], которую вполне можно назвать **полуофициальным** органом Бакунина. Я очень опасаюсь, как бы все эти интриги и напыщенные речи, все эти ложные толкования целей и стремлений Интернационала не разрушили единства Романской федерации на конгрессе в Шо-де-Фоне [3]. Друзья Бакунина хотят любой ценой заставить газету «Égalité» [4] проповедовать воздержание членов Интернационала от политики, взгляните хотя бы на то, что проповедуют эти **«ученые мужи»** из газеты «Progrès» в статье о **Государстве!** Разумеется, все мы, члены женевских секций, не потерпим, чтобы наша газета обрушивалась на политическое движение, наблюдаемое среди рабочих всех стран. Конечно, я ни в

ЛЕНИН занялся твоим делом

Захар **ДВОЙРИС**

21 сентября исполняется 90 лет со дня рождения Николая Александровича Семашко. Это был крупный ученый, первый профессор-коммунист Московского государственного университета, первый нарком здравоохранения Российской Советской Республики.

Николая Александровича связывала долгая и крепкая дружба с Владимиром Ильичем Лениным. Началась она задолго до революции, в эмиграции. Здесь в черные годы реакции Владимир Ильич спас Николаю Александровичу жизнь.

А складывалась эта жизнь, как у всякого революционера. Гимназистом в родном Ельце читал запрещенные сочинения Чернышевского, Писарева, Добролюбова, дружил с будущим певцом русской природы Михаилом Пришвиным, изгнанным из гимназии за «дерзостное поведение». Потом Москва, университет, нелегальный студенческий кружок, где Николай прочел «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эта ленинская книга, тайно отпечатанная на гектографе, по утверждению Семашко, сделала его марксистом-ленинцем навсегда.

Важную роль в формировании мировоззрения Семашко сыграл его родной дядя — Г. В. Плеханов. Однако в дальнейшем их пути разошлись.

...Окончить Московский университет не удалось: за участие в революционной студенческой организации Семашко арестовали. Пока жандармы объясняли хозяину квартиры цель своего визита, Николай успел проглотить листок с конспиративными адресами, уничтожить другие компрометирующие документы. Одиночка в тюрьме, ссылка на родину в Елец... Туда вскоре приехал друг детства Михаил Пришвин, тоже ссыльный студент. Вместе они встречаются с рабочими, разъясняют идеи Ленина, ошибочные взгляды народников. А когда окончился срок ссылки, Николай Семашко уехал в Казань — продолжать учение.

Терниями был усеян его путь к диплому. В Казани, как и в Москве, он участвовал в нелегальных кружках, в уличных демонстрациях, и в канун получения диплома его высылают из города. Он переселяется в пригород и оттуда, пользуясь благоволением либерально настроенных преподавателей, приезжает сдавать экзамены.

Николай Александрович уже врач. И когда в декабре 1905 года вспыхивает восстание сормовских рабочих, он перевязывает, оперирует раненых. Это снова приводит его в тюрьму. Но друзьям удалось вырвать Семашко из тюрьмы. Он бежит за границу, в Женеву. Николай Александрович и здесь сразу нашел верных друзей-единомышленников. И снова арест. Над головой большевика нависла опасность, всей меры которой он вначале и не подозревал.

Несколько месяцев томился Семашко в общей камере с уголовниками и в тысячный раз спрашивал себя, какой из законов Швейцарии он нарушил, чем заслужил столь суровую кару. Однажды ему принесли необычную передачу — три мандарина. «Это меня страшно раздосадовало,— вспоминал Николай Александрович,— не нашли ничего лучшего послать». Но, очищая мандарин, он обнаружил в нем крошечную записку: «Не робей, приехал Ленин и занялся твоим делом».

В чем же заключалось «дело» Семашко? Незадолго до его ареста знаменитый кавказский революционер Камо совершил легендарно смелый налет на царскую казну в Тифлисе, чтобы заполучить для партии крупную сумму денег. После этого начались повальные аресты большевиков — в России и за границей. Одна из арестованных, желая предупредить товарищей в Женеве, послала из тюрьмы письмо на имя Семашко, потому его и заподозрили в причастности к тифлисским событиям.

Разумеется, дело было от начала до конца надуманным. Полиция прекрасно знала, что Семашко никуда из Женевы не отлучался. Но правительство царской России, найдя повод расправиться с революционером, потребовало его выдачи. Власти «демократической» Швейцарии готовы были пойти на это. Впереди виделось одно — виселица.

В те трудные дни дядя Николая Александровича, Плеханов, окончательно отвернулся от него. На просьбу друзей помочь арестованному он равнодушно ответил: «С кем поведешься, от того и наберешься». Меньшевики поспешили отреститься от «преступника».

Но на помощь своему верному ученику пришел Ленин. Он пригласил виднейшего швейцарского адвоката защищать Семашко, поддерживал его семью, привлекал к делу всех, кто сколько-нибудь мог повлиять на его исход.

Благодаря энергии Ленина

коем случае не думаю, что мы сможем изменить существующий порядок вещей, введя нескольких рабочих в парламент и в муниципалитеты, но их присутствие там я расцениваю как **благотворное средство агитации**, которая постоянно будет будоражить мысль рабочего класса и которая поможет ему убедиться воочию, что ему нечего ждать от современных учреждений, где господствуют исключительно интересы привилегированных классов; и тогда рабочие с большей энергией станут организовываться для борьбы за коренное преобразование всех отношений личных и имущественных. Но я никогда не кончу письма, если примусь развивать эту тему, в которой Вы разбираетесь намного лучше меня. Поэтому я ограничусь сказанным, чтобы вернуться к этому вопросу в следующий раз, и возвращаюсь к цели данного письма. К Вам зайдет молодой человек по имени **Вольдемар Фруа**; будьте любезны передать ему прилагаемое письмо и если возможно представить его почтенному гражданину Марксу, которому он желает передать приветствия от русской молодежи. Если через несколько дней он у Вас не появится, это будет означать, что я задержался с этим письмецом и что он, должно быть, уехал уже на некоторое время из Лондона в Германию по нашим делам. Мы с нетерпением ждем от Вас письма, извещающего нас об одобрении Генеральным Советом Устава Русской секции.

Будьте добры передать от меня привет достойному гражданину Аплгарту [5], если он случайно помнит обо мне, о нашем знакомстве в Базеле; и примите, дорогой гражданин, уверения в моих братских чувствах.

Н. Утин.

P. S. Возможно, Вы знаете что я редактирую в газете «Égalité» отдел иностранной информации. Поскольку «Bee-Hive» [7] меня не удовлетворяет (впрочем, г. Поттер [6] не присылает эту газету в «Égalité»), сообщите, имеется ли какая-нибудь другая газета, которая помещает более **достоверные** сведения о рабочем движении? И где мне можно справиться об ирландских делах? По-моему, эти дела жизненно важны. Вообще, я Вам буду бесконечно обязан за любую посылку брошюр и памфлетов о современном положении в Англии.

Н. У.

Н. И. УТИН — Г. ЮНГУ

1 апреля 1870 года.

Женева.

Дорогой гражданин Юнг!

Я только что получил Ваше письмо, и я Вас очень благодарю за него, прежде всего за добрые советы, которые Вы в нем нам даете, затем за Вашу дружескую откровенность, которую мы всегда будем ценить.

Примите нашу благодарность за то, что Вы были нашим посредником в Генеральном Совете; мы получили письмо гражданина Маркса, и мы прочитали в «Bee-Hive» о заседании, на котором Русская секция была принята. Мы публикуем письмо Маркса в номере «Народное дело», который выйдет через неделю, и мы его вам пришлем. Но в Вашем письме есть один пункт, который заставляет нас задержать печатание нашего Устава на французском, немецком и русском языках. Вы пишете, что хотели бы внести в него некоторые изменения; мы очень рады исполнить Ваше желание, т. к. знаем, что оно проистекает из Вашего более правильного понимания дела, более искушенного практическим опытом, чем наше, и поэтому я спешу послать Вам эти несколько строк. Я только что видел своих друзей из русского Комитета, которым я передал Ваше письмо, они решили остановить печатание нашей программы и Устава впредь до выяснения, какие именно изменения Вы хотели бы туда внести. Если Вы будете любезны сообщить их нам, мы представим их на рассмотрение нашего Общего собрания, которое, вне сомнения, их примет, и тогда мы опубликуем эти уставы незамедлительно, ввиду того, что их опубликование очень важно для развития нашего дела, для пропаганды международной организации в России и в славянских странах, откуда у нас очень хорошие новости, которые мы скоро сообщим Марксу.

Мы будем также просить Вас прислать нам Устав Товарищества на английском языке, т. к. на французский язык он переведен не полностью.

Мы очень рады узнать из Вашего письма, что грубые интриганы и тщеславные краснобаи вроде Бакунина наконец предстали перед Вами в своем истинном свете. Вы не можете себе представить, какой колоссальный вред он принес и еще старается приносить нашему общему делу в России; он не останавливается ни перед чем, когда наносится удар по ненасытному честолюбию, и, конечно, мы сделали все, чтобы русская молодежь знала, чего он стоит! Этот человек всегда и повсюду эксплуатирует неопытность, наивность и невежество других; к сожалению, эти качества распространены в России гораздо более сильно, чем во всяком другом месте.

На Романском конгрессе мы будем в достаточном количестве, чтобы следовать Вашим указаниям на случай выступления Бакунина, и я смогу в это дело вмешаться тем более, что я делегат секции черепичников и одновременно докладчик от женевских секций по вопросам кооперации. Я позволю себе позднее сообщить Вам свои впечатления. Сердечно благодарим Вас за замечание, которое Вы сделали относительно выражения «почтенный» («vénérable»); возможно, во французском языке оно имеет другое значение, чем в русском, и нам следует иногда прощать недостаточное знание европейских языков.

Судя по огромному труду Маркса, который, наверное, отнял у него много лет, судя по его репутации и роли, которую он так честно выполнял в 1848 году, то и дело слыша о его болезнях и недугах, мы считали, что он, должно быть, очень стар, что-нибудь около 70 лет. Какова же была наша радость, когда недавно Беккер мне сказал, что Марксу только 50 лет, и тогда я понял, что выражение «почтенный» неуместно, хотя это выражение применяется в русском языке к старым людям, чтобы сказать «достойный уважения» (respectable) (отнюдь не в английском смысле, означающем крупных капиталистов и лендлордов!). Итак, приношу повинную.

Я осмелюсь коснуться еще одного вопроса. Совершенно искренне. Речь идет о том, чтобы Вы не оплачивали почтовых сборов. Видите ли, это нас часто стесняет; нам неудобно обращаться к Вам, чтобы не вводить Вас в расходы; Ваши письма слишком важны для нас и русская демократия с готовностью может их оплачивать.

Все наши **женщины** (слово «дамы» употребляется в русском языке только по отношению к аристократкам; ведь надо, чтобы Вы знали наши обычаи, раз Вы принимаете нас в свою семью) — благодарят Вас вместе со всеми нами за услуги, которые Вы нам оказали; они также Вас посетят, когда им удастся побывать в Англии.

Примите же наши братские приветы.

Н. Утин.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Перре, Анри — деятель швейцарского рабочего движения, один из руководителей Интернационала в Швейцарии, член бакунистского Альянса социалистической демократии в 1869 г. порвал с бакунистами, после Гаагского конгресса Интернационала (1872) занял примиренческую позицию.

[2] «Progrès» («Прогресс») — бакунистская газета, открыто выступавшая против Генерального Совета Интернационала; издавалась в Локле (Швейцария) (1868—1870).

[3] Конгресс Романской федерации Интернационала проходил с 4 по 6 апреля 1870 г. в Шо-де-Фоне.

[4] «Égalité» («Равенство»)—еженедельная швейцарская газета, орган Романской федерации Интернационала; выходила в Женеве (1868—1872).

[5] Аплгарт, Роберт — один из реформистских лидеров английского тред-юнионистского движения, член Генерального Совета Интернационала, после 1871 г. отошел от рабочего движения.

[6] Поттер, Джордж — один из реформистских лидеров английского тред-юнионистского движения, основатель и издатель газеты «Bee-Hive», в которой проводил политику компромисса с либеральной буржуазией.

[7] Газета «Bee-Hive» — («Улей») издавалась в Лондоне в 1861 — 1876 гг., еженедельный тред-юнионистский орган. В ноябре 1864 г. газета была объявлена органом Интернационала. На ее страницах печатались официальные документы Международного Товарищества Рабочих и отчеты о заседаниях Генсовета. Однако Марксу неоднократно приходилось протестовать против публикации в газете документов Интернационала в искаженном или неполном виде.

С 1869 г. газета фактически стала буржуазным органом, и в апреле 1870 г. Генсовет по предложению Маркса порвал всякие отношения с «Bee-Hive».

Николай Александрович был освобожден и прямо из тюрьмы отправился на заседание большевистской партгруппы. Ленин встретил его аплодисментами.

Вот с какими давними событиями была связана их дружба. Она продолжалась и позже, в Париже, где Николай Александрович принял горячее участие в работе созданной Лениным партийной школы в Лонжюмо.

В эмиграции Николай Александрович горячо поддерживал Ленина в борьбе против ликвидаторов и меньшевиков. В конце 1910 года Владимир Ильич решил созвать за границей пленум ЦК РСДРП. Меньшевистское заграничное бюро ЦК отклонило это предложение. Тогда Семашко, в чьем распоряжении была партийная касса и все документы, заявил, что выходит из состава бюро, а кассу и дела сдаст совещанию членов ЦК РСДРП, находящихся за границей. В ответ меньшевики начали бешеную травлю Семашко.

* * *

Созданный с самого начала существования Советской власти Наркомздрав стал первым в истории России центром, объединившим всю медико-санитарную службу в стране. В ту славную, но бесконечно трудную пору, когда каждый пузырек йода был проблемой, на долю Семашко выпало создавать производство медикаментов, находить врачей-энтузиастов, готовых идти на опасную для жизни борьбу с эпидемиями.

Через полтора года после создания Наркомздрава Семашко уже мог доложить седьмому Всероссийскому съезду Советов, что, несмотря на жестокую войну, в стране открылось немало новых больниц, аптек, все виды медицинского обслуживания стали бесплатными, развернулась борьба с тифом, туберкулезом, многие сотни врачей отправились на фронт.

Когда Красная Армия освободила Крым от врангелевских банд, Николай Александрович поехал туда, осмотрел и опечатал дворцы, принадлежавшие богачам, чтобы вскоре открыть там санатории. 21 декабря 1920 года Ленин подписал декрет Совнаркома об использовании Крыма для лечения трудящихся, а в январе туда уже отправились поезда с рабочими Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска.

В 1930 году Семашко оставил пост наркома здравоохранения и перешел на работу в Президиум ВЦИК.

...Великую Отечественную войну Николай Александрович встретил в канун своего 70-летия. Но и почтенный возраст не заставил его стоять в стороне. Эвакуировавшись в Уфу вместе с 1-м Московским медицинским институтом, где он руководил кафедрой, Семашко помогал размещенным в столице Башкирии госпиталям, помогал организовать медицинское обслуживание рабочих эвакуированных заводов. В 1944 году, в день 70-летия Николая Александровича, М. И. Калинин вручил ему в Кремле орден Ленина.

Через пять лет ленинского наркома не стало. До последних дней он не покидал своей кафедры, не прекращал работу в Академии медицинских наук. Это был человек, который говорил о себе: «Всем, что я сделал в жизни, я обязан большевистской партии, которая меня воспитала, которая меня вела, волю которой я выполнял всю жизнь».

Беседа шла о детях трудовых коммун... Слева направо: академик А. Н. Бах, Н. А. Семашко, секретарь ВЦИК А. С. Киселев, председатель ЦИК Украины Г. И. Петровский.

РАССКАЗ

Остановка в пути

Борис БЕДНЫЙ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Мастер подмосковного завода Селиванов возвращался с кавказского курорта домой. Он и раньше бывал на юге: дважды ездил в служебные командировки на завод-смежник, а один раз вот так же плескался во время отпуска в благодатной черноморской водице и поджаривал бока на свирепом субтропическом солнце. Но прежде ему все попадались поезда, идущие через Харьков, а на этот раз Селиванов нарочно выбрал поезд через Воронеж. Ему вдруг взбрело на ум хоть на колесах прокатить по памятным местам и хотя бы из вагонного окошка глянуть на те поля, где в сорок втором военном году начинал он свой боевой путь еще не обстрелянным, зеленым солдатиком.

Чтобы не прозевать ненароком нужную ему станцию, Селиванов загодя вышел на площадку вагона. Тогда, в сорок втором, в такой же душный июльский денек они выгрузились на этой степной станции из эшелона и походным порядком двинулись на передовую, которая проходила километрах в тридцати отсюда.

Летом того далекого года вражеские бронированные полчища перли к Волге, а здесь, на фронте, было затишье. Бои, в которых участвовал тогда Селиванов, считались местными, и о них лишь вскользь упоминалось в сводках. И уж совсем не попало в сводки одно событие, происшедшее тогда на этих полях. Событие это — не такое уж громкое, а в ту пору и самое обычное — для Селиванова было и осталось крупнейшим за всю войну. Именно тогда, на этих вот полях, вчерашний слесарек, обкошенный под нулевку и наспех обученный в запасном голодном полку, стал солдатом не только по званию, а и на деле.

Потом Селиванов долго еще воевал и прошел с боями пол-Европы, но солдатом он стал здесь. Это — как место рождения: можно исколесить весь свет, перевидать все столицы и континенты, даже в ледяную Антарктиду забраться, а рождается человек один раз и в каком-то одном месте. Ну, и умирает — это уж само собой...

Степной этот край дорог был Селиванову и другими, совсем уж не боевыми воспоминаниями. Случилось так, что именно здесь после первого боя настигла Селиванова и первая его любовь.

Теперь, за далью прожитых лет, стародавняя эта любовь лишь смутно маячила перед Селивановым. И не все в ней он теперь уже понимал, будто и не с ним вовсе она приключилась, а с кем-то другим, кого он знал лишь понаслышке. Прежде молодой Селиванов преспокойно жил себе без всякой любви и стойко презирал всех девчонок на свете, а тут вдруг его точно подменили. И чем она тогда его приворожила — первая его любовь?

Порой Селиванову виделся особый смысл в том, что начальная эта любовь нежданно-негаданно нагрянула к нему сразу же после первого боя, где полегла добрая половина ребят их взвода. Похоже, заглянув так близко в самые глаза смерти, он вдруг заторопился тогда жить. Вроде бы испугался он тогда, что совсем мало отпущено ему времени на все, про все, чем богата человеческая жизнь и чего он по молодости лет не успел еще изведать.

А впрочем, кто теперь разберет, чего тогда

больше у них было: всамделишной любви или слепой жажды жизни? Да на поверку не так уж велика и напориста оказалась эта самая жажда, если довела она их лишь до неумелых ребячьих поцелуев, а вот шагнуть вместе с ними через заветный порог так и не хватило у нее силенки.

Не хватило или просто не успела?

Одно было ясно теперь Селиванову: война невзначай столкнула его с первой любовью и тут же, точно спеша исправить невольную свою доброту, разметала их, как песчинки. Все его письма остались без ответа, будто ухнули в бездонную яму, а последнее, посланное уже в сорок шестом, мирном году, вернулось с пометкой: «Адресат выбыл, хата заколочена».

И осталась у Селиванова лишь память о далекой и мимолетной встрече на дорогах войны. Память эта прочно прижилась в его сердце, и, как все святое, надежно помогала Селиванову в трудные минуты, и согревала на студеном сквознячке в житейских его антарктидах...

В первые годы после войны Селиванов лелеял думку: выкроить как-нибудь время и вволю побродить по памятным для него местам. Собирался он заглянуть и в деревню Гвоздевку, на околице которой его впервые ранило, и в усадьбу ближнего совхоза, где стоял тогда их батальон и где в молодом, редком, совсем еще без тени саду повстречался он с первой своей любовью.

Но жизнь сложилась так, что Селиванову до сих пор не удалось проведать все эти места. Сначала отпуск на заводе ему давали только зимой, а Селиванов воевал под Гвоздевкой летом, все здесь в памяти его навечно осталось зеленым, будто и зима сюда никогда не добиралась, обходила этот заповедный край стороной. Поездку посреди зимы Селиванов забраковал, убоявшись, что снежные гвоздевские поля ничего не скажут его сердцу. А потом он поступил в вечерний техникум, женился, у него родилась дочка, новые неотложные заботы вошли в его жизнь и изрядно потеснили давнюю мечту — побродить по гвоздевским зеленым полям. С годами мечта эта совсем поблекла, стала казаться повзрослевшему Селиванову несерьезной, почти такой же нелепой, как детское его желанье доскакать до Москвы на одной ножке.

И вышло так, что несбывшаяся экскурсия эта ржавой железкой легла в ту неказистую кучку, куда каждый из нас всю жизнь собирает большие и малые свои упущения и просроченные надежды. Хотя Селиванов на жизнь не жаловался и считал, что живет он не хуже других и даже получше многих, но как-то получалось так, что невеселая горка эта год от году все росла у него и росла. Ясности ради надо сказать, что несостоявшаяся поездка к месту первого боя была далеко не самым большим упущеньем в жизни Селиванова...

Он пристально вглядывался в мирные поля, бегущие за окном вагона, но все вокруг было точь-в-точь таким же, как час и сутки назад. Ничто не предвещало близости т о й станции. На горизонте навстречу друг другу ползли два комбайна, докашивая последнюю загонку хлеба. Над током шапкой повисла пыль: загорелые крепконогие девчата перелопачивали тяжелое, отливающее латунью зерно.

А тогда население из прифронтовой полосы эвакуировали и на диво богатый в том году урожай некому было убирать. Они шли, кажется, по тому вон разбитому большаку, и по обе стороны дороги низкими мертвыми валами лежал перестойный хлеб, уткнувшись спутанными колосьями в землю. И потомственному рабочему пареньку Селиванову, знающему лишь хлеб из булочной и не умеющему толком отличить рожь от пшеницы, стало вдруг нестерпимо горько и стыдно — каким-то совсем новым для него, сосущим душу стыдом — смотреть на это беспризорное поле с выращенным и кинутым урожаем. Было смутное чувство, будто все они тут, от рядового и до самого высокого командира, попрали какой-то всечеловечий, испокон веков живущий на свете закон и виноваты перед этим опозоренным полем.

Понаторевший за эти годы в грамоте, Селиванов решил теперь, с опозданьем в два десятка лет, что тогда, пожалуй, в нем заговорил вдруг прадед — тульский крестьянин. Из своей немеханизированной дали, через три поколения заводских рабочих, отринутых от земли, он дотянулся-таки до индустриального правнука и постучался ему в сердце древней и вечной обидой хлебороба.

А над той вон круглой рощицей зло клубился тогда черный, жирный дым: горело бензохранилище, подожженное немецкими самолетами. Это война расписалась в русском небе, подала свою первую весточку молодому Селиванову, пообещала и до него добраться...

Больше всего ему хотелось сейчас побыть одному, чтобы не пропустить ни одной приметы и без помех припомнить все, что было тогда вокруг. Но вслед за ним на площадку вышла проводница Зина. В душе Селиванов подосадовал на непрошеную соседку, но, общительный от природы, ничем не выдал своего недовольства и даже улыбнулся Зине в ответ. Сдается, с непривычки к таким занятиям он все-таки немного стеснялся того, что до срока ударился в пенсионерские делишки: ворошит тут стародавние свои воспоминания, поросшие быльем.

Маленькая, быстрая в движениях Зина была того неопределенного возраста, когда сразу видно, что перед тобой не молоденькая девушка, но и пожилой такую женщину назвать еще рановато. Одни женщины выглядят так далеко за тридцать, а другие и в двадцать пять лет.

Селиванов вообще легко сходился с новыми людьми, а с Зиной за два дня пути у него установились те особые, с виду простые, а по сути дела, если толком разобраться, очень сложные отношения, какие сами собой, помимо воли, складываются между людьми, с первого взгляда расположенными друг к другу. Ни единым словом не обмолвившись об этом, они оба тем не менее хорошо знали, что их что-то связывает, будто зыбкая ниточка протянулась меж ними. Но и Селиванов и Зина не были в жизни новичками, давно уже не преувеличивали это внезапное и труднообъяснимое чувство взаимной симпатии и, охотно подчиняясь ему, беря все хорошее, что оно им дарило, даже в мыслях не называли эту нечаянную радость любовью.

Зина смахнула тряпкой пыль с никелированного поручня, озабоченно глянула на часики и как бы между делом повернулась к Селиванову, собираясь поболтать с ним до остановки поезда. И опять, как и всякий раз прежде, когда Селиванов близко перед собой видел Зину, его поразила одна ее особенность, вернее, одно Зинино несоответствие, к которому он никак не мог привыкнуть. Ее неожиданно большая, совсем не по фигуре грудь, стянутая форменным кителем железнодорожницы, казалась Селиванову какой-то заемной, словно Зина взяла ее напрокат у другой, солидной женщины.

Обратив к Селиванову круглое скуластенькое лицо, Зина небрежно похвасталась, что г л а в н ы й только что пообещал с нового месяца перевести ее на работу в мягкий вагон. Селиванов слушал Зину, машинально рассматривая свои побелевшие от курортного безделья и малость чужеватые уже руки. С горделивой снисходительностью машиностроителя — работника ведущей отрасли народного хозяйства — Селиванов подумал, что мягкий вагон для Зины — нечто вроде автоматической линии у них в цехе. Вслух он сказал убежденно:

— Мягкий — это хорошо. Живо там какого-нибудь брюнета подцепишь!

— Нужны они мне!

Зина презрительно отмахнулась и, вскочив на своего любимого, давно уже объезженного ею конька, стала честить всех мужчин без исключения за то, что все они поголовно пьяницы и ветрогоны. Она была уверена, что ласковыми и душевными мужчины бывают лишь тогда, когда обхаживают женщину, завлекают ее в обманные сети. А как добьются своего, так сразу высказывают истинный свой, подлый характер. Судя по горячности, с какой Зина нападала на мужчин, у нее были-таки веские причины обвинять их в непостоянстве и вероломстве.

— Не надо, чтоб легко добивались,— сказал Селиванов, привычно становясь на защиту мужского племени.

— Не надо! — передразнила его Зина.— Мало ли чего не надо... Вам, феодалам, легко рассуждать!

Он припомнил, что вчера Зина обзывала феодалами пассажиров, намусоривших в соседнем купе, и догадался, что слово это Зина понимает не совсем так, как принято между людьми. Для Зины ф е о д а л — слово ругательное, и она вкладывает в него свой, особый смысл: нечто среднее между бабником, пьяницей и неряхой.

Селиванов смотрел на доверчиво обращенное к нему, не шибко красивое лицо Зины с первыми морщинками под глазами и преждевременной горькой складкой в углу рта, и у него было такое чувство, будто он знает всю ее простую и нелегкую жизнь до самого последнего и тайного закоулка. Зина живо напомнила ему заводских девчат, чья юность пришлась на военные годы. Они недоучились в школе, некоторые из них даже недоиграли детских своих игр. На их девчоночьи, неокрепшие плечи легла изрядная часть того нечеловечески тяжкого груза, что подняли наши женщины в годы войны.

Да и в мирные дни многим из них тоже пришлось несладко. Война переполовинила их женихов, и Зина, судя по всему, была в числе тех, кто на всю жизнь остался без пары. Селиванов почему-то никак не мог представить Зину в кругу семьи, и ему казалось, что судьба обделила Зину семейным счастьем. Он был уверен в этом так же крепко, как и в том, что любить Зина любила и, кажется, даже не одного ф е о д а л а, выкрадывая где только придется куцые минуты немудрящей сладко-горькой радости в счет своей законной доли, которую недодала ей жизнь. В сущности, для нее война все еще продолжалась— хотя и в ином обличье.

Селиванов подивился, что опять пришел к войне, только на этот раз совсем другим, кружным путем...

Из вагона на площадку выбежал кудрявый шаловливый мальчонка лет пяти, в синей матроске с золотыми якорями.

— Ишь, какой кудряш! — изумилась Зина, тут же притворно нахмурилась и приказала по-служебному строго: — А ну, брысь в вагон!

Но неподвластный ее воле взгляд прикованно застыл на мягких кудерьках, лаская чужого сынишку с потайной, вороватой нежностью. Селиванов поспешно отвернулся, стыдясь, что невзначай подловил Зину на самом ее сокровенном.

Мальчонка умчался. Зина встрепенулась и пуще прежнего принялась костить вероломных феодалов. А Селиванов, теплея к ней душой, смотрел в ее неумело сердитые, малость притомившиеся уже от затяжной невзгоды глаза, соскучившиеся по твердому бабьему счастью — с такими вот кудряшами, непьющим мужем и своей квартирой, где она была бы полной хозяйкой. Он вдруг уверовал, что вся яростная Зинина ругань не всерьез, а истинную суть Зины выражает ее щедрая грудь, закрепощенная кителем. С такой грудью ей ребятишек бы выкармливать, а она заковала ее, безработную, в китель мужского покроя, мыкается взад-вперед по стране и цапается с несознательными пассажирами.

К нему пришло вдруг шальное желанье — расстегнуть тесный китель и дать Зине хоть разок вздохнуть свободно. Селиванов смущенно крякнул и бочком-бочком отодвинулся от Зины, не доверяя своим внезапно потяжелевшим рукам.

Из песни слова не выкинешь: доброе чувство Селиванова к Зине незаметно для него самого обернулось своей подспудной мужской стороной. Он подумал, что, если б жизнь подвела их вплотную друг к другу,— например, очутись они вместе с Зиной в том санатории, где он только что добросовестно проскучал двадцать четыре долгих бездельных дня,— то их взаимная симпатия, не ограниченная на этот раз жестким дорожным сроком, могла бы завести их далеко.

Но судьба распорядилась иначе: завтра они распрощаются на шумном московском перроне и больше уж, наверно, никогда в жизни не встретятся. Самое многое, как-нибудь в досужую минуту они вспомнят друг о друге, а потом за каждодневной житейской толчеей и совсем позабудут об этой случайной встрече.

Он покосился на Зину: не догадывается ли она о его тайных мыслях? Но Зина по-прежнему доверчиво смотрела на него и в порядке

самокритики говорила уже о том, что и среди женщин тоже попадаются фрукты, хотя и пореже, чем феодалы среди мужчин. Селиванов почему-то решил: если б Зина даже и проведала, в какие запретные дебри забрел он тут со своими мечтами, то все равно не шибко обиделась бы на него...

Вагон качнуло на стрелке, за окном поплыли пакгаузы, водокачка, депо, маневровые паровозы на запасных путях, высокие открытые полувагоны с донецким угольком. Поезд втиснулся в узкий проход между двумя составами: справа замелькали платформы с новенькими грузовиками без кузовов, смахивающими на головастиков, а слева вплотную к Селиванову придвинулся пригородный поезд, составленный из коротких старомодных вагонов. В окнах лепились разномастные головы; общим у них всех было лишь то извечное почтительное любопытство, с каким пассажиры местных линий взирают на транзитников.

Поезд сбавлял ход, и стыки рельсов под колесами стучали все реже и реже, словно каждый последующий прогон был длинней предыдущего. А потом товарняк, закрывающий станцию, неожиданно оборвался пыхтящим паровозом с молоденьким чумазым кочегаром в окне, и в заждавшиеся глаза Селиванова прыгнуло близкое и до боли в сердце знакомое здание вокзала.

Оно было длинное, одноэтажное, старинной, еще дореволюционной постройки — с оконными арками, кирпичными выступами и другими украшательскими излишествами, названия которых Селиванов не знал. За все те годы, что он не был здесь, вокзал ничуть не изменился, будто время на этой станции замерло и не двигалось вперед. Вот только жалкий привокзальный сквер сильно разросся, и акации, которые Селиванов помнил тощими кустами, вымахали выше телеграфных столбов.

Тогда, летом сорок второго, выгрузившись из эшелона, их рота строилась в походную колонну по ту сторону сквера. Командир роты все поглядывал на небо, опасаясь налета вражеской авиации, и поторапливал всех каким-то нарочито фронтовым голосом. А когда они наконец тронулись с места, у Генки Козырева, дружка Селиванова, развязалась вдруг обмотка. Он вышел из строя и стал перематывать свою двухметровую холеру у того вон угла штакетника, ограждающего сквер, и на чем свет стоит чихвостил неведомого ему химика, который изобрел эти клятые обмотки, а сам — Генка голову давал на отсеченье — щеголяет в сапожках.

А месяц спустя раненый Селиванов, дожидаясь санитарного поезда, лежал в жиденькой тени сквера, и Даша, первая и несбывшаяся его любовь, сидела рядом и преданно смотрела на него, словно хотела запомнить на всю жизнь. Она отгоняла мух, поила его из трофейной немецкой фляги, вытирала пот с лица мятым непросыхающим платочком и все старалась украдкой от других раненых поцеловать Селиванова, но это редко ей удавалось. Рядом лежал сержант-сапер, неотрывно глазел на Дашу и, морщась от боли, фальшивя, нахально насвистывал: «На позицию девушка провожала бойца...»

В сумерки тихо подкрался темный, с синими лампочками поезд-разлучник, и дюжие, довоенной выпечки санитары, не слыша стонов и ругани, с привычной профессиональной глухотой людей, работа которых сопряжена с чужой болью, стали быстро и сноровисто, как дрова, грузить раненых в вагоны.

— Стараются, дьяволы! — сказал сосед-сапер.— Боятся, как бы на передовую не упекли!

Санитары подходили все ближе и ближе и хватали раненых уже совсем рядом. Даша вдруг всхлипнула; сапер сердито пробормотал:

— Целуйтесь, черти! — и отвернулся, чтобы не мешать им.

Стало видно, что он и раньше не смеялся над ними, а лишь завидовал селивановскому счастью. И Даша, точно ждала только этого разрешенья, сразу же припала к Селиванову. Она шептала, что обязательно дождется его после войны, которая когда-нибудь да ведь кончится же, проклятая, и, больше уже не таясь, все целовала и целовала его в сухие, запекшиеся губы, как будто предчувствовала, что прощается с ним навсегда.

Глаза Селиванова обежали весь сквер, выхватили ту низенькую, вросшую в землю скамеечку, где сидела тогда Даша, и все давнее, поразвеянное временем, разом ожило в нем.

Он даже и не подозревал, что и вокзал этот и все, связанное с ним, так прочно отпечаталось в его памяти. За годы войны Селиванов перевидал уйму вокзалов: и наших тыловых, с плачем солдаток, провожающих кормильцев на фронт, и отбитых в бою, взорванных и опоганенных, и немецких, с крикливым лозунгом: «Колеса должны катиться для победы»,— но потому ли, что этот неказистый степной вокзал был первым прифронтовым вокзалом в его жизни, или потому, что здесь распрощался он с Дашей, но все остальные вокзалы как-то стерлись в его памяти, слились в один безликий полуразрушенный вокзал военного времени. А этот вот, оказывается, навечно врезался в его душу и все эти годы незримо жил в нем своей особой, отдельной от всего жизнью.

И старое желанье пройти по местам первых боев с новой силой подступило к Селиванову и неудержимо потянуло его прочь из вагона. Он понял, что теперь уж ни за что не простит себе, если и на этот раз под каким-нибудь солидным и благоразумным предлогом улизнет от заветной своей мечты. Видно, никогда не поздно пускаться вдогонку за вчерашним своим днем...

— Можно здесь сойти с поезда? — спросил он у Зины осевшим вдруг голосом.

— Как сойти? — удивилась Зина.— Вот поезд сейчас остановится...

— Да нет, не то! — злясь на непонятливость Зины, перебил ее Селиванов.— Ну, как это у вас там называется: сойти здесь, пробыть денек и дальше ехать уже другим поездом? Можно так?

— Разрешается...— холодно сказала Зина.— Только плацкарту потеряете.

Селиванов небрежно махнул рукой, и Зина поняла, что потеря плацкарты его не остановит.

— Иль увидели кого? — равнодушно спросила Зина и независимо одернула китель, топорщившийся на груди.

— Воевал я в этих краях,— объяснил Селиванов.

— Золотую пулю зарыли и теперь собираетесь откопать? — полюбопытствовала Зина.

— Вроде того...

Поезд остановился, заныв тормозами. Зина распахнула дверь и с грохотом откинула железную плиту, закрывающую ступеньки. Лицо ее было безучастно, даже спокойно, и только по излишней сосредоточенности, с какой Зина выполняла нехитрые свои обязанности проводницы, да по тому еще, что она совсем не замечала стоящего рядом Селиванова, можно было понять, что она не одобряет опрометчивого его решения.

— Так я сойду тут...— тихо сказал Селиванов, чувствуя какую-то свою непонятную вину перед Зиной, будто обманул он ее в чем или сгоряча наобещал ей с три короба, а теперь вот, как приспело расплачиваться, трусливо удирает.— Билет приготовь.

Сталкиваясь с пассажирами, спешащими размяться на твердой земле, Селиванов протиснулся в купе, достал из багажника чемодан, надел помятый в дороге пиджак, сунул в карман мыльницу и заторопился к выходу.

Зина стояла на своем посту у ступенек со свернутым флажком под мышкой, строгая и официальная, ни дать ни взять этакий полномочный представитель министерства путей сообщения. Весь вид ее говорил, что она находится при исполнении служебных обязанностей и всячески оберегает дорожный покой вверенных ей пассажиров. А те из них, кто не понимает своего счастья, могут делать нелепые и совсем даже глупые остановки в пути, это нисколечко ее не волнует, она и не такого еще навидалась на своем веку.

— Получите,— сухо сказала Зина, протягивая Селиванову его билет. Но тут же не выдержала официального тона, одернула китель и добавила язвительно: — Видать, вдовушка вас тогда под бочок пустила, проведать ее надумали?

— Какая там вдовушка, теперь уж она полная пенсионерка! — попробовал отшутиться Селиванов.— Скажешь тоже, ведь столько лет прошло...

— Значит, теплый у нее был бочок, раз и досе греет! — не сдавалась Зина.— А жинка дома ждет, все глаза проглядела: «И куда это мой курортник запропастился?..» — И привычно заключила: — Эх, феодалы вы все, феодалы... И как только вас земля носит!

Селиванову и смешно было, что Зина величает многоопытной вдовушкой девчонку Дашу, и в то же время его почему-то задело, что Зина учуяла-таки женским своим чутьем: не одни лишь боевые воспоминания влекут его в Гвоздевку. Как ни крути, а на самом донышке селивановского желанья навестить памятные места таилась несмелая надежда встретить там Дашу. Встретить, несмотря на то, что след ее затерялся в коловращенье войны. Такая встреча теперь была бы просто чудом, но почему бы раз в жизни не произойти и чуду?

И еще: было все-таки обидно, что Зина, походя и так грубо коснулась того, что все эти годы Селиванов берег в самом дальнем и чистом закоулке своего сердца, куда не пускал никого из дружков. Ведь даже жене, боясь, что она по привычке переиначит все по-своему, Селиванов никогда и ничего не рассказывал о Даше.

Зина старательно смотрела в сторону, чтобы как-нибудь ненароком не увидеть Селиванова, который два дня прикидывался душевным человеком, а на поверку оказался таким же феодалом, как и другие, даже и еще похлестче.

— Отметку не забудьте у дежурного сделать, а то плакали ваши денежки за билет! — неожиданно для себя самой сердито выпалила Зина.

Она тут же насупилась, кляня себя за излишнюю, прямо-таки позорную заботу о селивановском билете, а заодно уж и за всю свою подлую доброту, которая столько раз в жизни подводила ее. Боясь растерять злость, Зина рывком повернулась к Селиванову, чтобы напоследок выложить ему всю правду-матку, но наткнулась на его участливый, все понимающий взгляд, закусила прыгнувшую вдруг губу и растерянно улыбнулась.

— Спасибо, отмечу,— пообещал Селиванов.— Ну, прощай, Зинаида!

Он протянул ей руку ладонью кверху. Зина заколебалась, прикидывая, заслуживает ли феодал Селиванов того, чтобы проститься с ним по-хорошему. Выгадывая время, она ненужно одернула китель, который и так сидел лучше некуда. Глаза ее влажно блеснули, но совсем не от слез,— много было чести для феодалов, чтобы Зина по ним плакала-убивалась. Просто глаза у нее вдруг запотели. В последнее время с ней иногда приключалось такое: похоже, с годами Зине становилось все трудней перемогаться в такие вот минуты.

Но она быстро справилась с собой и пытливо покосилась на Селиванова, не заметил ли тот чего. Он все еще смирно стоял с протянутой рукой, будто милостыню у нее просил. Да и весь вид у Селиванова был такой, точно ему — для того, чтобы дальше на свете жить,— позарез надо было сейчас, чтобы она пожала его руку. Не избалованная мужским вниманьем, Зина горделиво хмыкнула — и вся злость ее как-то припотухла.

— Э-э, где наша не пропадала! — спряталась она за привычное присловье и лихо шлепнула Селиванова по заждавшейся ладони, отпуская ему все его грехи.

И в ответ Селиванов бережно стиснул крепкую, шершавую от работы с водой и странно горячую руку Зины, как бы прося извинить его за то, что променял он ее — близкую и славную — на далекие свои и бесплотные воспоминания.

— Счастливо доехать,— пожелал он на прощанье, отступил на шаг и в последний разок оглядел Зину — от стоптанных туфель на низком каблуке до казенного берета на макушке.

Прощальный взгляд его скользнул и по скованной Зининой груди, но на этот раз желанье раскрепостить ее не пришло к Селиванову.

Он легко повернулся на скрипучей щебенке межпутья и, больше уже не оглядываясь, зашагал к вокзалу. Разом поскучневшая Зина долго смотрела вслед Селиванову и невпопад отвечала на придирчивые расспросы толстяка в полосатой пижаме, который сел ночью в Ростове, в жестком вагоне чувствовал себя обойденным дорожным уютом и теперь выпытывал у Зины, как ему половчей перебраться в мягкий вагон, где, по его сведеньям, было одно свободное место.

ПОДХОДИТЬ К ОСТРОВУ ЛУЧШЕ ДО СВЕТА.

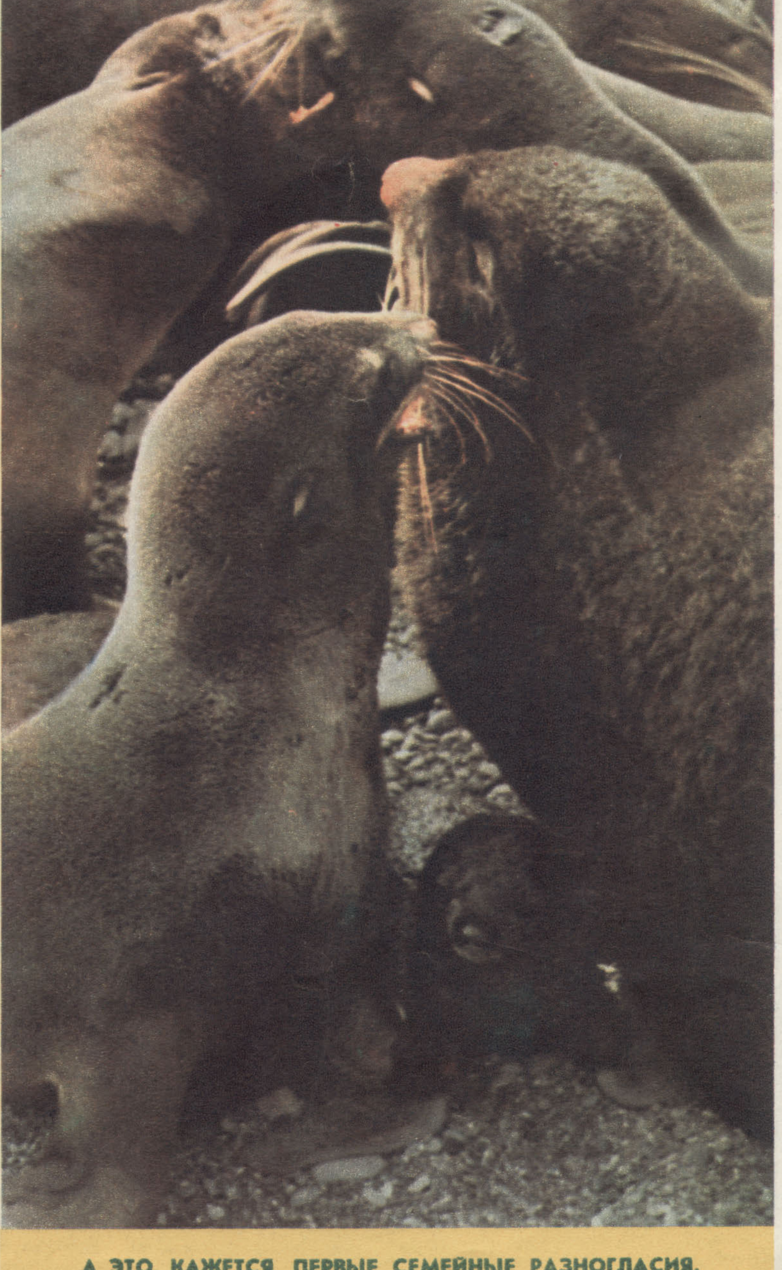
Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ЭТО ХОЛОСТЯКИ. НИ СЕМЬИ, НИ ЗАБОТ. СКУЧНО...

КАК И ВСЕ ДОМАШНИЕ ЗАБОТЫ, ВЫСИЖИВАНИЕ ПТЕНЦОВ ОТНИМАЕТ МНОГО ВРЕМЕНИ. НЕКОГДА И ПООБЕДАТЬ.

ПРИЗНАНИЕ.

А ЭТО, КАЖЕТСЯ, ПЕРВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ.

К ВОПРОСУ О ВОСПИТАНИИ.

НЕЖНОСТЬ.

Стража Тюленьего острова

Секач вышел из воды, задрал морду и, как нам послышалось, громко захрапел. На самом деле это была песнь в честь благополучного возвращения. Потом зверь потянул носом воздух и, окончательно успокоившись, разлегся на берегу. Как хорошо вернуться домой! Но что это? Кто посмел занять дом? На шестисотметровой береговой полосе острова Тюленьего кот оказался не первым. Прямо на него шел противник, показывая белые резцы. Справа и слева от скал отделилось еще несколько котов, и все устремились к новенькому. Теперь успевай поворачиваться! Мощный удар грудью заставил новичка отпрянуть. Еще удар двухсоткилограммовой туши — разорванный ласт... И новичок бесславно удалился в сторону моря. Опоздал! Береговая стража — те, что пришли сюда раньше,— приступила к дежурству. Ни один самец, не заплативши клоком шкуры, не сумеет теперь ступить на берег. Не каждому удается обрести место на острове. Но каждый утвердившийся у серых скал становится ярым защитником острова — не резиновый же он! — от посяганий новых пришельцев.

К концу июня население на берегу острова не уступит населению черноморского пляжа в ту же пору. Инстинкт диктует: рожденный на Тюленьем не должен знать иного берега. И, прожировав долгую зиму в теплых водах Японского моря и Тихого океана, котики с первым теплом поворачивают к дому. Спешат старые коты — занимать места для будущих гаремов. Спешат холостяки — попытать счастья обзавестись семьей. И только самки не торопятся. На остров они приходят последними.

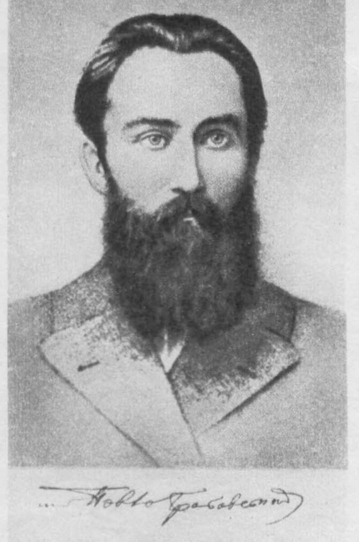
С каждым днем остров все населеннее. Уже не отдельные животные, а целые группы подходят к нему. Появились первые щенки — черненькие. Большеголовые, поджарые, стоят они на ластах, как корабль на подводных крыльях. Черненькие образуют отдельные компании — детские залежки. И матери долго мечутся по берегу, отыскивая своего единственного.

...Дважды в неделю от Сахалина к Тюленьему острову движется катер и тянет баржу. Туда — полупустую — с водой, с продуктами, с письмами для зверобоев, делящих крохотный кусочек суши с многотысячной колонией животных. Обратно баржа возвращается с бочками, наполненными солеными котиковыми шкурами, печенью, жиром.

...Вечернее солнце косыми лучами цепляется за скалы. С гортанным криком носятся кайры. Покружив над морем, зависают птицы над уступами-террасами и застывают, как часовые.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

«ПЕВЕЦ ПРОСТОГО ЛЮДА»

Сеятели всенародные
Братства, правды и добра!
Деятели благородные,
Где вы, смелые? Пора!

Так страстно призывал передовых людей своего времени выдающийся украинский поэт-революционер Павел Арсеньевич Грабовский, столетие со дня рождения которого недавно исполнилось.

Восемнадцатилетним юношей стал он на путь революционной борьбы и прошел по нему до последнего своего вздоха. Из тридцати восьми лет жизни более половины он провел в неволе.

Но сильный духом поэт никогда не сдавался, не терял мужества. Он и из тюрьмы призывал:

В кандалах, в неволе
Мучаясь безвинно,
Против черной доли
Бейся до кончины!

И он бился. Стихами и прозой, своими яркими публицистическими статьями, посвященными Чернышевскому, Шевченко, Пушкину, общим проблемам литературы.

Верный завету Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»,— Грабовский горячо восставал против тех, кто воспевал искусство для искусства. И в стихах и в статьях разоблачал он пустоту и бесцельность их творчества.

Тюрьма и ссылка, где Грабовский сблизился с марксистами, были, как он сам говорил, его университетом, он стал горячим пропагандистом марксистских идей.

В царской России произведения Грабовского с трудом могли увидеть свет. Сборники его стихов — «Подснежник», «С севера» — вышли во Львове, там же печатались и его статьи.

Царская цензура пристально следила за выходящими в свет книгами Грабовского. По поводу сборника «С севера» цензор докладывал, что в нем говорится «о стремлении ниспровергнуть существующий государственный строй, порвать цепи, сбросить власть палачей...».

Страстно любя свою родную Украину, Грабовский в то же время был настоящим интернационалистом, воспевавшим дружбу и братство всех народов. «Мечтали об одном мы оба, искали общего пути»,— восклицает он в стихотворении, обращенном к товарищу поляку, с которым судьба свела его в неволе.

О чем же мечтал томящийся в ссылке поэт?

Чтоб на Руси во всем величье
Владыкой стал простой народ...
...Чтоб Русь, объединившись, встала
Без вековечного ярма
И среди ближних расцветала,
Свободных, как она сама!

Говоря о творчестве Грабовского, нельзя пройти мимо его переводческой деятельности. Стремясь познакомить свой народ с лучшими образцами мировой литературы, и в первую очередь с русской, он переводил Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Рылеева. Есть у него переводы из Байрона, Гете, Гейне, Шандора Петефи, Христо Ботева, а также польских, чешских, словацких и других славянских поэтов. Прекрасно владея русским литературным языком, он переводил произведения украинских поэтов на русский, и прежде всего своего любимого Шевченко.

П. А. Грабовский скончался суровой сибирской зимой 1902 года в Тобольске, где он провел последние годы ссылки. Есть что-то символическое в том, что могила его находится рядом с могилами декабристов Муравьева, Вольфа, Башмакова.

Л. БАТЬ

ДОБРОЕ НАПУТСТВИЕ

Расставшись с романом Ольги Кожуховой, мы уносим с собой в нашу завтрашнюю жизнь образ раннего снега вместе с дорогими сердцу героями. Этот символ остается в душе как напутствие преемникам, как безупречно чистый взгляд двадцатилетних героев-фронтовиков, защитивших и сохранивших жизнь для тех, кому двадцать лет сегодня.

Впервые раскрывается в нашей прозе с такой силой судьба фронтовой медсестры, ее святая работа. Вот строгая, ироничная, умная Шура Углянцева, глубоко и будто навсегда запрятавшая свою нежность,— настороженно колючая с незнакомыми людьми, болезненно чуткая к пошлости, к фальши. Вот беззаботная балагурка, дерзкая, цыганистая Женька, грубоватая и обаятельно отчаянная. Рядом с ней — добрая, мягкая, светящаяся женственностью, самоотверженная Марьяна. Наделенные жизнелюбием и душевной силой, эти девчонки выдерживают подчас нечеловеческое напряжение, умеют все подчинять своей воле к победе, но сами этого не замечают. И естественно: все внимание, все существо каждой из них направлено к спасению сотен жизней на поле боя.

Кожухова последовательно утверждает жизненную философию своего поколения, показывает ее трудное становление, кристаллизацию характеров. Страшное пламя войны не смогло сжечь главного — человечности, веры, любви, а опалив душу, сделало ее только тверже, глубже, зрелей. Умный анализ малейших душевных движений, умение с большим тактом и сдержанностью раскрыть сокровенное переживание, заветную мысль — это главное в романе.

Тяжелые утраты, забытую боль не так-то легко ворошить.

Но все пережитое призывает охранить юных, уберечь их от раннего снега. В этом смысл Шуриных слов:

«Я обращаюсь к Кедрову:

— Помнишь, во время войны мы говорили: «Если нужно кому-то погибнуть, изо всех одному, чтобы война сразу кончилась, я готов». Помнишь?

— Да.

— Так вот: если нужно кому-то погибнуть, чтобы не было новой войны, я готова».

И. ДЕНИСОВА

Ольга Кожухова. Ранний снег. Москва. «Молодая гвардия». 1964.

«Не отверну лица»

Многие русские писатели размышляли о своеобразии характера нашего народа. Бесхитростная простота, иной раз застенчивая, как весенний трепет белоствольных берез, уживается в нем с непоказным героизмом.

Читая книгу Николая Родичева «Не отверну лица», я подумал, что лучшие черты героев Бородина и Севастополя присущи их беспокойным правнукам, которым на своем молодом веку тоже привелось защищать Бородино и Севастополь.

Герои рассказов и повестей Родичева еще в ранней юности почувствовали близкое, обжигающее дыхание войны. Но она не опалила им крылья, а лишь обратила орлят в орлов. Впрочем, писатель не забывает и таких, о ком когда-то не без иронии пели: «Цыпленок тоже хочет жить». Им он противопоставляет людей цельного характера, крупных, самобытных.

Удивительное дело! Автор рассказывает о людях на войне, а читателю видится не только вчерашний день, но и завтрашний. Вчера ученики девятого «Б» уходили всем классом на фронт, а сегодня их дети едут всем классом на сибирскую стройку. Автор, начинавший со стихов, находит волнующие, естественные интонации, точные, правдивые детали.

Вот сельский портной, русский умелец Алимушка, шьющий всему селу красивые, добротные полушубки. Давно умер старик, но слава пережила мастера. «Алимушка небось космонавтам одежду мастерил бы, доживи он до наших дён...» — говорит один из его земляков.

Лаконично и впечатляюще рассказывает Николай Родичев о подвиге русских женщин, в памятную весну освобождения впрягшихся в плуг, только бы вспахать родную землю-кормилицу (рассказ «Егор Ильич»). Но когда речь заходит о шкурнике-изменнике, автор непримирим к гнилой, хлипкой душонке (рассказ «Не отверну лица»). Не случайно название этого рассказа дано всей книге.

Если рассказы «Алимушкины полушубки» и «На перепутье» — своеобразные песни о трудолюбии и талантливости русского народа, то рассказы «Сердце матери», «Сын Игната», «Только одного фашиста...», повести «Коробейники» и «Ивановы перекрестки» — правдивые картины тяжелых, порой немыслимых испытаний, сквозь которые с честью прошли наши люди в годы войны, и не только войны.

Николай Родичев пишет неторопливо, весомо, где с улыбкой, а где и с неподдельным суровым драматизмом. Его книга убеждает в том, что вчерашний солдат стал зрелым, сложившимся художником, хорошо знающим душу и дела трудового народа.

Владимир ФЕДОРОВ

Николай Родичев. «Не отверну лица». Повести, рассказы. М. Воениздат. 1964.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Фото Е. УМНОВА.

Великолепный оперный ансамбль миланцев продолжает радовать москвичей.

Чуток наш зритель ко всему прекрасному.

Каждая новая творческая встреча с «Ла Скала» — большое, памятное событие для всех, кто любит музыкально-драматическое искусство. По вечерам, когда дирижер поднимает палочку, приглашая оркестр начать увертюру, приходит взволнованная тишина ожидания чего-то праздничного в огромный, переполненный зал Большого театра.

Долго будет жить прославленное певческое мастерство Италии! Бессмертны имена ушедших мастеров бельканто, но им на смену идут новые таланты, новые имена. Об этом думаешь, слыша светлый, льющийся вольно голос Ренаты Скотто, создавшей образ Лючии («Лючия ди Ламмермур» Доницетти), или пение Карло Бергонци в вердиевском блистательном «Трубадуре»...

Ирина Константиновна Архипова, солистка Большого театра, пела в Италии.

— Конечно, я не забыла гастролей,— говорит она.— Нельзя забыть страну, где все виды искусства почитаемы и буквально живут в народе. И как много там поют! Помню, на улицах Неаполя чудесно распевали мальчишки, непринужденно, даже сами того не замечая.

В фонетических особенностях речи итальянцев, где много гласных звуков, кроется, по-моему, секрет их певучести. Вспомним украинскую речь и свободное, широкое украинское пение.

Театр «Ла Скала», собирающий на своей сцене все лучшее, что есть в мире вокала, столь же прославлен, как наш русский балет. Гастроли миланцев оставляют самые приятные впечатления. Мне прежде всего хотелось бы сказать о «Турандот» и «Трубадуре». Все понравилось в этих спектаклях. Стилизованная, как бы фресковая и пластичная, поставленная с большим вкусом и тактом «Турандот» — значительная творческая удача режиссера Маргариты Валман и художника Николая Бенуа. Поражает, как умело, например, как бы уведен в сторону, погашен в цветах хор для того, чтобы более выразительным был акцент на главных действующих лицах оперы. Великолепна Биргит Нильссон с ее огромным, необычайной силы голосом, легко преодолевающим все сложности партии. Пленяет плавностью пения и красотой голоса Мирелла Френи, обаятельная и трогательная в партии рабыни Лиу. Понравился мне и молодой певец Бруно Преведи в роли Калафа и замечательное гротесковое трио Пинг, Панг, Понг в очень тонком музыкальном исполнении Ренато Капекки, Франко Риччарди, Пьеро де Пальмо.

Мой партнер по «Кармен» в Неаполе и Риме, феноменальный тенор Марио дель Монако много и восхищенно рассказывал мне в те дни о замечательной певице Джульетте Симионато, получившей в 1956 году медаль «Золотого Орфея», как лучшее меццо-сопрано мира. У меня дома есть много записей ее голоса.

В Москве она поет партию Азучены в «Трубадуре». Блестящая вокальная школа, притягательное актерское мастерство ее совершенны. Хорошо поет Карло Бергонци в роли Манрико. Понравились мне декорации Николая Бенуа, монументальные стены крепости, на фоне которой развивается трагедия, выдержанные только в черных и белых тонах, хорош хор — его музыкальное и чистое исполнение. Нет ничего лишнего, все необходимо и выразительно в этом спектакле, созданном режиссером Лукино Висконти.

Да, впечатления от гастролей «Ла Скала» самые прекрасные. Как выросла Рената Скотто за те три года, которые прошли с тех пор, как я слышала ее в Италии! Голос ее не поражает масштабами. Но какое великолепное, умное мастерство пришло к молодой певице, какая появилась богатая палитра красок!

Праздник вокала — гастроли миланской оперы «Ла Скала». Да, скоро нам, певцам, музыкантам Большого театра, собираться в путь — в Милан для ответных гастролей. Быть может, нам не удастся поразить взыскательных миланских слушателей вокальным мастерством. Но, думается, им должно понравиться другое — психологизм наших спектаклей, близость, родственность законов оперной и драматической сцены.

Уверена, что в творческом соревновании двух школ, двух направлений много выиграет современное мировое искусство оперы.

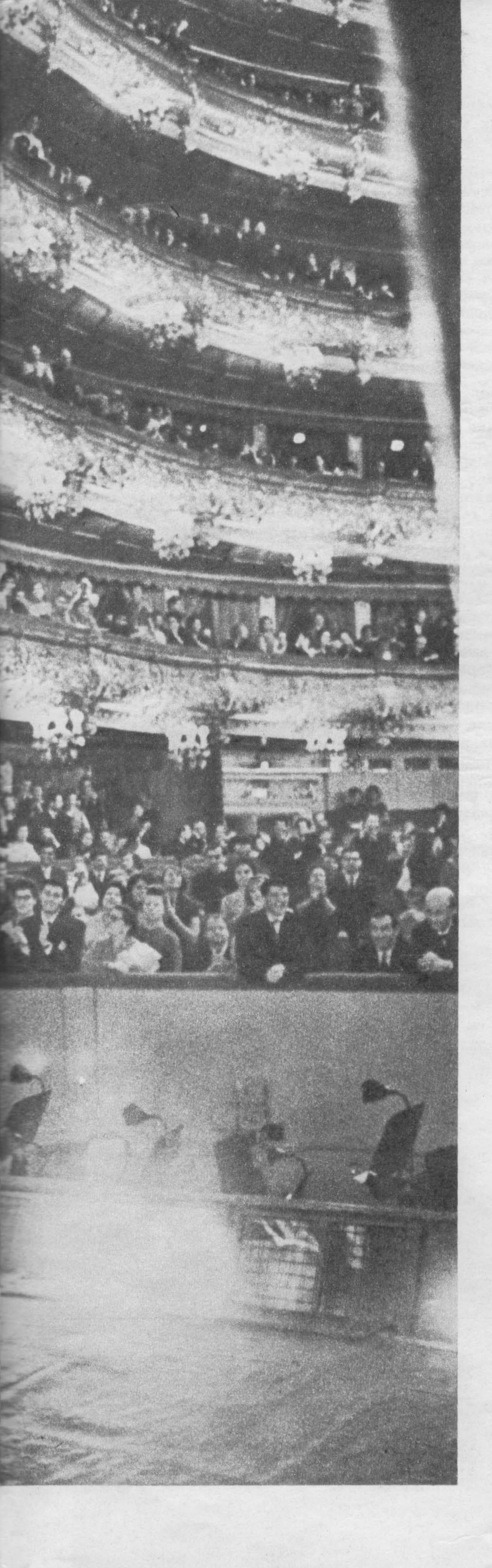
Вдохновенное мастерство дирижеров «Ла Скала» создает отточенность ансамблевого звучания. За пультом — Джанандреа Гавадзени.

Слезы благодарности были на глазах у Ренаты Скотто, когда восхитился ее прекрасным искусством огромный, чуткий зал...

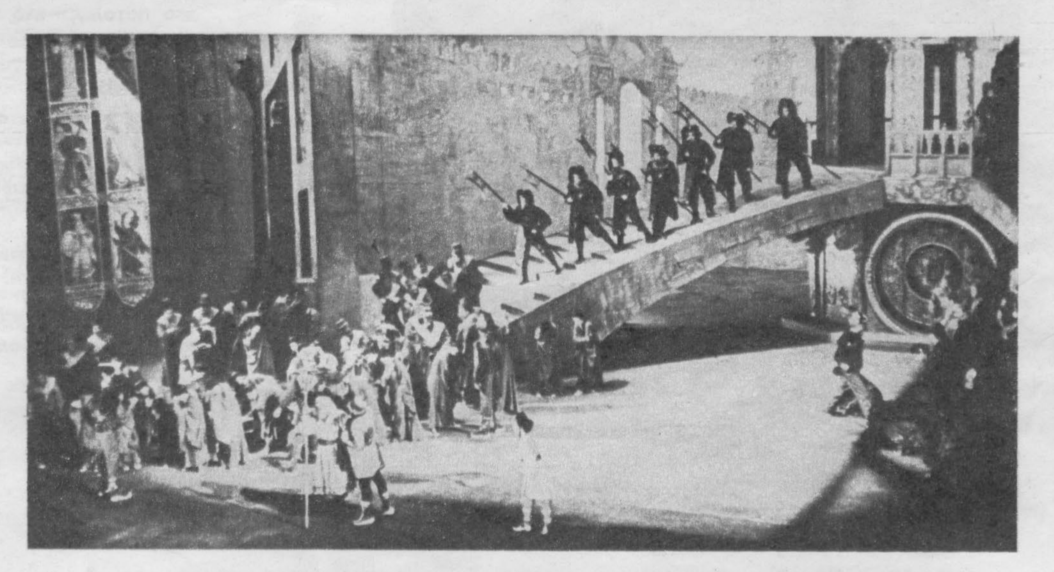

Сцена из спектакля «Лючия ди Ламмермур» Доницетти.

Идет спектакль. Мы понимаем волнение директора «Ла Скала» Антонио Гирингелли.

Высокая репутация «Ла Скала» во многом определяется трудом его режиссеров Маргариты Валман, Лукино Висконти, Франко Дзеффирелли, Франко Энрикес. Опера «Турандот» поставлена Маргаритой Валман.

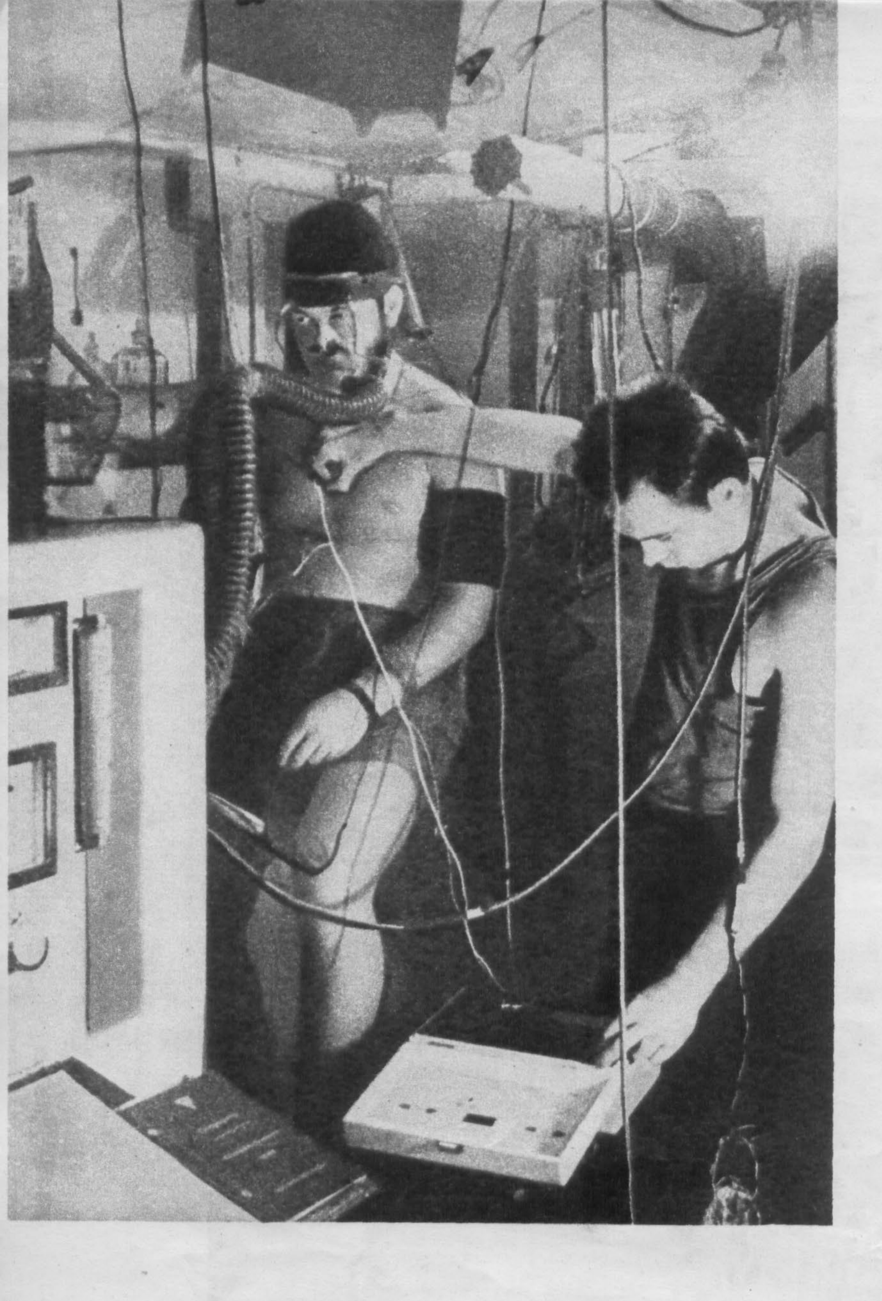

Ирина Архипова пела в Италии. Она была очень рада встретить итальянских друзей в родном Большом театре в Москве.

В фойе Большого театра выставка работ художников «Ла Скала». В центре группы — Николай Бенуа.

СКАЛА» ПРОДОЛЖАЕТ РАДОВАТЬ

Наши эксперименты длились от десяти суток до четырех месяцев,— рассказывает научный руководитель этих работ доктор медицинских наук Юрий Герасимович Нефедов.— При этом изучалась среда, которая возникает в результате жизнедеятельности человека, и его реакции. В ходе опытов в камере повышалась температура, создавались вибрация и различные шумы, которые бывают при взлете космических кораблей и возвращении их на родную планету.

В космическом корабле между человеком и окружающей его средой взаимодействия будут иными, чем в нашей повседневной земной жизни. Обычно окружающая нас среда мало зависит от процессов жизнедеятельности организма человека. В герметично замкнутом помещении эти процессы существенным образом сказываются на формировании среды. Причем изменения среды, как правило, носят неблагоприятный для человека характер. Так, например, возрастает число микробов в воздухе. А происходит это потому, что бактерицидные свойства кожи человека ухудшаются и число микроорганизмов на ней увеличивается.

Через герметично закрывающийся люк входим в камеру. Она похожа на малометражную квартиру. Стены окрашены в голубой цвет. Слева, в глубине,— небольшая кухня с электрической плитой. Душ. На стене — два яруса — откидные койки. На откидных столиках тускло блестят стекла различных приборов. Рядом с книжным шкафом — телевизор, радиоприемник. Посредине — стол и складные стулья.

— При длительных экспериментах,— рассказывает Юрий Герасимович,— были обнаружены и другие отрицательные явления. В частности, мы установили, что в воздухе камеры появляется окись углерода, хотя никаких технических источников для образования этого газа здесь нет. Оказалось, окись углерода выделяется человеческим организмом в результате каких-то пока еще недостаточно изученных биохимических превращений.

Окись углерода накапливается в камере, и у человека изменяется состав крови, возникают некоторые сдвиги в деятельности центральной нервной системы. В камере скапливался и углекислый газ: его в десять — двадцать раз больше, чем в атмосфере. И это тоже оказывало неблагоприятное влияние при четырехмесячном эксперименте.

— Можно ли поговорить с кем-нибудь из участников опыта?

Юрий Герасимович знакомит меня с одним из молодых сотрудников, Евгением Гоголевым. Прошу его рассказать, как они жили в течение четырех месяцев в камере.

— Жили-то, в общем, нормально,— отвечает Женя.— По очереди стряпали и мыли посуду, убирали камеру. Ну, а главное, работали. Программа научных исследований была обширная, и время шло незаметно. На досуге смотрели телевизор, слушали радио, играли в шахматы, читали. И специальную литературу и, конечно, беллетристику. Предпочтительно фантастику и приключе-

СТО ДВАДЦАТЬ

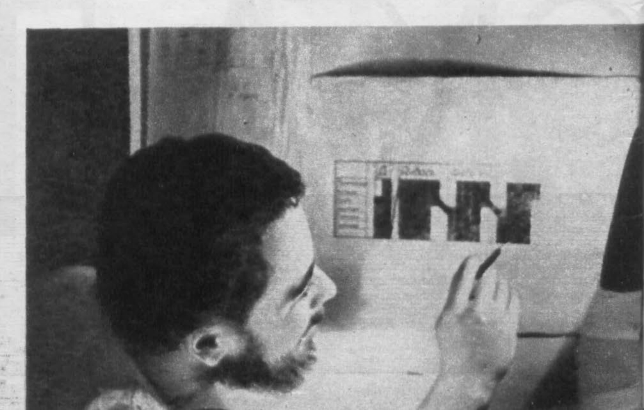
Алексей ГОЛИКОВ

В ПРОСТОРНОЙ КОМНАТЕ СТОИТ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ КАМЕРА. ЗДЕСЬ ИЗУЧАЮТ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА ПРИ ДЛИТЕЛЬНОМ ПРЕБЫВАНИИ В НЕБОЛЬШОМ ГЕРМЕТИЧНО ЗАМКНУТОМ ПОМЕЩЕНИИ. ВЕДЬ ПРИ ПОЛЕТЕ НА ДРУГИЕ ПЛАНЕТЫ ЛЮДЯМ ПРИДЕТСЯ ЖИТЬ В КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЯХ НЕДЕЛИ, МЕСЯЦЫ, А ТО И ГОДЫ.

ния. Регулярно занимались физзарядкой. Это, кстати, входило в распорядок дня. В общем, четыре месяца прошли вполне терпимо.

— А как чувствовали себя?

— В первые пятнадцать дней мы в какой-то степени утратили быстроту реакции, хуже стал сон, чаще ошибались в работе. Наши организмы перестраивались, приспосабливаясь к новым условиям окружающей среды. Как говорят врачи, происходило изменение регулирующих механизмов, функций кровообращения и дыхания. А от них во многом зависит жизнедеятельность всего организма.

Потом все стало входить в норму, хотя повышенная утомляемость осталась. Надо отметить, что мы скорее уставали и двигались медленнее, когда в эксперимент вводились дополнительные воздействия: повышалась температура, начиналась вибрация. Тут уж на нас действовала сумма различных отрицательных факторов.

— Ну, а не надоели ли вы друг другу за четыре месяца?

— Как сказать! Конечно, жизнь у нас была сравнительно однообразной, и это, естественно, вызывало повышенную раздражительность. Порой, может быть, слишком горячо спорили о научных вопросах. А вообще-то жили очень дружно. Ведь эксперимент был для всех нас чрезвычайно интересным, и все мы несли за него ответственность.

Психологические факторы в этих опытах играли большую роль. Неприятные явления появляются, как правило, в конце испытаний независимо от их продолжительности. Кроме того, после выхода из камеры происходит заметное ухудшение самочувствия испытуемых и отмечается изменение объективных показателей ряда функций организма.

— Почему так?

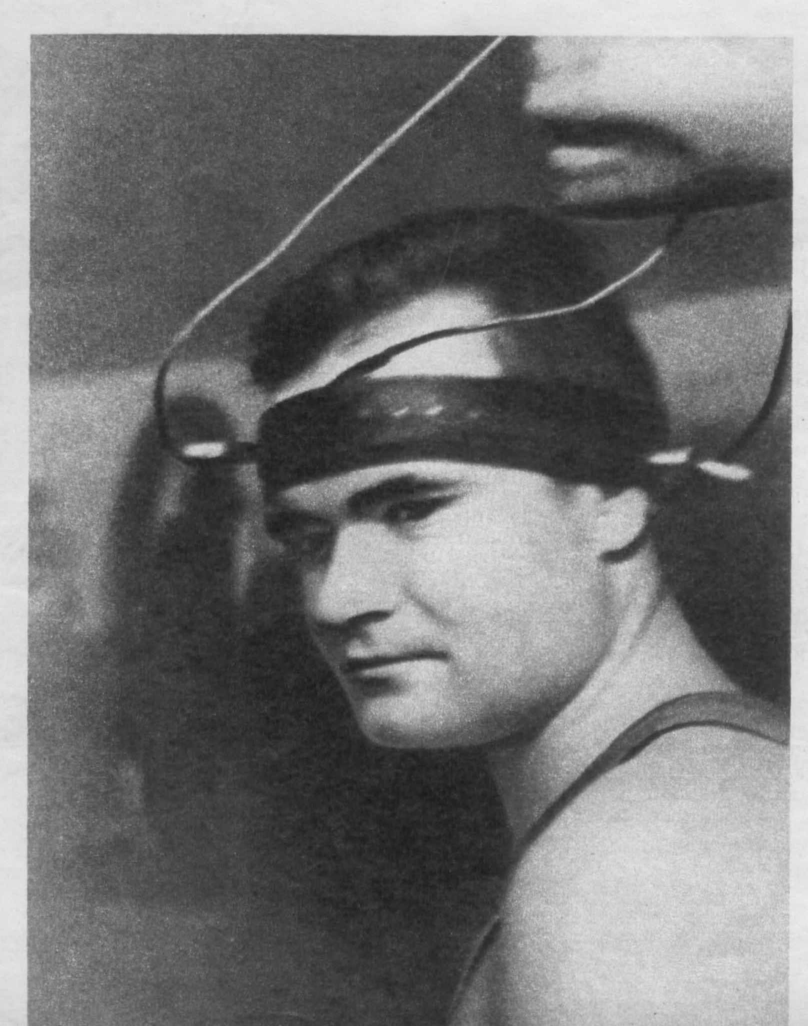
На этот вопрос отвечает Юрий Герасимович.

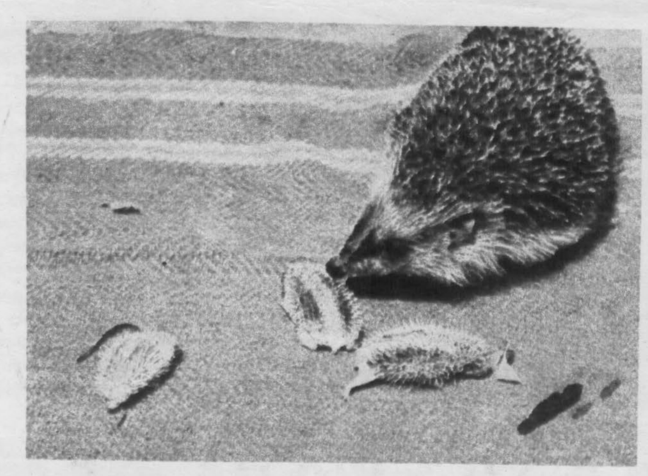
— Дело в том, что за время длительного пребывания в камере организм человека приспособился к новой среде. Вернувшись к обычным условиям, организм вынужден снова приспосабливаться, а он уже ослаблен длительным воздействием неблагоприятных факторов во время испытаний. Поэтому и возникает своеобразная «реакция выхода». Ее можно в значительной степени ослабить. Когда в камере люди жили сто двадцать суток, мы под конец произвели дополнительную очистку воздуха от бактерий и вредных химических примесей. Применили ультрафиолетовые облучения кожи находящихся здесь людей. В рацион ввели большое количество витаминов. И это дало положительные результаты.

— А какой из факторов, действующих на организм во время опытов, был основной причиной физиологических сдвигов?

— Химический состав воздуха, который формируется в камере. Когда в других опытах мы вентилировали камеру наружным воздухом, то практически отсутствовали изменения крови и сердечно-сосудистой системы, а также и центральной нервной системы. Поэтому можно предполагать, что создание в будущих космических кораблях наиболее благоприятных условий «воздушной обитаемости» будет одной из серьезных задач.

ДНЕЙ

ЕЖАТА С МАМОЙ

Ежа видел почти каждый. Однако далеко не все видели маленьких ежиков. А они вот какие, колючие, как мама. Возраст ежат — сутки.

В. СОЛОВЕЙ

Киевская область,
п/о Гребенки,

МЕДВЕЖОНОК ЛЮСИ

В зоологическом саду швейцарского города Базель у белой медведицы появился малыш. Но капризная мамаша не захотела сама воспитывать своего ребенка. Медвежонка, названного Люси, взял домой один из сотрудников зоопарка. Тогда Люси весила всего 675 граммов, была слабенькой и слепой. Сейчас она уже подросла и вполне освоилась с окружающей обстановкой. Ее любимая игрушка — плюшевый медвежонок, а самый близкий друг — собака Бишетт.

К ВСЕМИРНОМУ ФОРУМУ

Пожатия белых, черных, желтых рук, радостные улыбки, яркие краски, разноцветные лепестки пяти континентов — все это характерно для марок, посвященных слетам и фестивалям молодежи.

К Всемирному форуму молодежи в Советском Союзе вышла новая красочная марка с изображением в профиль трех юношей.

Н. САТАРОВ

Л. БОРОДУЛИН

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ:

Если очень сильно натянуть тетиву современного лука, то стрела за какие-то 10 секунд может улететь почти за километр. А попадется на пути у нее дубовая доска толщиной в 5 сантиметров — стрела пробьет ее насквозь. Если же очень точно целиться и плавно спускать тетиву, то можно даже попасть в яблоко на голове сына, как это однажды удалось легендарному Вильгельму Теллю.

Нам не известно, как метко стреляли в каменном веке, но факт существования лука в ту отдаленную эпоху доказывают раскопки могильников и наскальные изображения. У царствовавшего в XIII веке до нашей эры фараона Рамзеса II в гробнице были обнаружены остатки лука довольно замысловатой конструкции.

...Шли века. И если бы человечество не изобрело порох, то оставался бы лук таким же грозным оружием, как ныне межконтинентальная баллистическая ракета. Последний его успех летописцы относят к концу XVIII века, когда в Англии проводились своеобразные состязания одновременно из луков и ружей. В мишенях оказалось 16 стрел и всего лишь 12 пробоин от пуль. Но огнестрельное оружие совершенствовалось с такой быстротой, что о луке стали забывать. И все же окончательно лук не погиб. Своим вторым рождением он обязан спорту.

Кто-то однажды сказал, что стрельба из лука с детства живет в крови у каждого мужчины. Автором этих слов наверняка был мужчина, потому что, как выяснилось позже, подобной же страстью охвачена и вторая половина человечества. Объединив свои усилия, они в разное время в разных странах мира стали создавать свои национальные клубы лучников. В Польше в 1931 году были разработаны и утверждены международные правила, создана международная федерация и проведен наконец первый чемпионат мира.

Поначалу многие заблуждались, считая стрельбу из лука детской забавой, имеющей мало общего со спортом. Однако это далеко не так, если учесть, что сила натяжения лука равна 24 килограммам, а за время соревнований лучники выпускают 288 стрел. Кроме того, им надо пройти, извлекая стрелу из мишени (дистанция стрельбы от 30 до 90 метров), в общей сложности 9 километров. Подсчитано, что каждому стрелку приходится применять силу, равную примерно восьми тоннам, то есть выполнить такую же работу, как если бы он выжал вес, в сорок раз превышающий мировой рекорд самого сильного человека на земле — Юрия Власова. Чтобы не отпугивать от этого вида спорта тех, кто еще только собирается им заняться, добавим, что соревнования продолжаются 4 дня, и путем несложных арифметических подсчетов вы убедитесь, что можете обойтись и без богатырской силы Власова. Но иметь сильные мышцы, точный глазомер и твердую волю лучнику, безусловно, надо.

На следующих, XIX Олимпийских играх в Мексике стрельба из лука получит все права олимпийского гражданства.

В нашей стране этот вид спорта с каждым годом находит многих новых приверженцев, а совсем недавно был проведен первый всесоюзный чемпионат.

СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА

На линии «огня» стрелки из Львова. Абсолютная чемпионка страны Нонна Козина и старейший участник первенства Ванда Капачинская. Звание мастера спорта львовская спортсменка получила уже в пенсионном возрасте.

Проверьте ваши попадания!

Так начинается борьба десятиборцев. Участники матча СССР — США 1963 года Р. Эмбергер (США), В. Кузнецов (СССР), С. Поули (США) и А. Овсеенко (СССР) на финише стометровой дистанции.

В. ВОЛКОВ,
заслуженный тренер СССР

Ответ —

Фото А. БОЧИНИНА,
Л. ЛЬВОВА

В десятый день XVIII Олимпийских игр, когда имена многих победителей будут уже известны, придет час одного из самых трудных и ярких стартов. Впрочем, единственное число применять здесь вряд ли уместно, потому что речь идет не об одном, а о десяти стартах. Эта необычная борьба лишь начнется с бега на 100 метров, а затем продолжится в секторах прыжков и метаний, еще на трех других дистанциях бега. Бег на 100 метров — всего лишь один шаг из десяти, ведущих к победе.

Состязания продлятся два дня, и перерыва фактически не будет. Участники, правда, получат возможность отдохнуть ночь перед вторым днем, но разве можно назвать отдыхом время напряженного ожидания, время тревожных раздумий и бессонницы? Спать спокойно, очевидно, смогут лишь те, кто после первого дня потеряет надежду на удачу. Но будут ли такие среди десятиборцев, собравшихся в Токио? Вряд ли! Каждый спортсмен, совершивший столь трудный путь в Японию, так легко от победы не откажется.

Как всегда бывает перед Олимпийскими играми, многие спортивные обозреватели и специалисты не могут удержаться от попыток проникнуть в будущее, угадать, кто победит. Но мы не будем следовать за ними. Давайте, наоборот, вернемся в недалекое прошлое.

Михаил Стороженко добился большого успеха: на первенстве СССР он завоевал первое место по десятиборью.

20 октября в Токио!

Автору этих строк довелось самому испытать силу американских десятиборцев на XV Олимпийских играх в Хельсинки в 1952 году. Первое место завоевал тогда десятиборец США Б. Матиас, рядом с ним оказались два его соотечественника, а я занял лишь четвертое место. Встал вопрос, кто же сможет продолжить начавшийся спор, но в 1953 году у нас в стране появился способный десятиборец Василий Кузнецов, и я охотно стал передавать ему свой опыт. Быстро рос Кузнецов, устанавливал всесоюзные и европейские рекорды и к началу Олимпийских игр в Мельбурне стал десятиборцем международного класса. Однако в лице мирового рекордсмена Р. Джонсона и серебряного призера XV Олимпиады в Хельсинки М. Кемпбела В. Кузнецов имел грозных противников. Победил тогда М. Кемпбел, Р. Джонсон оказался вторым, а В. Кузнецов занял третье призовое место. От Советского Союза в Австралии успешно выступил еще один советский спортсмен, У. Палу; он проявил незаурядные бойцовские качества и был четвертым.

После XVI Олимпийских игр М. Кемпбел заявил, что уходит в профессиональный спорт, и предсказал победу в Риме своему товарищу по команде Раферу Джонсону. И действительно, замечательный спортсмен оказался достойным преемником олимпийского чемпиона. Но и Кузнецов не остановился на достигнутом. Между этими двумя атлетами развернулась острая борьба за обладание мировым рекордом. Дважды добивался успеха В. Кузнецов и дважды Р. Джонсон. Свой последний рекорд — 8 687 очков — Р. Джонсон установил накануне Олимпийских игр, а в Риме завоевал первенство. В. Кузнецов оказался снова третьим, в то время как Ю. Кутенко занял почетное четвертое место.

В Риме выступал еще один советский спортсмен-десятиборец — Ю. Дьячков. Он не закончил состязания, что не помешало одному польскому обозревателю предсказать ему токийскую золотую медаль. Увы, пока Дьячков не оправдывает наших надежд, не хватает ему бойцовского темперамента, и у него нет шансов попасть в Токио. Из тех советских спортсменов, которые выступали в Мельбурне и Риме, лишь один поедет в Токио — Кузнецов.

А кто же будет представлять в Токио США?

Сейчас в США громких имен в десятиборье как будто бы нет. (Джонсон последовал примеру Кемпбела и тоже ушел в профессионалы.) Однако это не значит, что американцы не готовят нам сюрприза. На матче СССР — США в 1963 году в американской команде выступил девятнадцатилетний десятиборец Стив Поули. Поули проиграл и В. Кузнецову и А. Овсеенко. Но он, бесспорно, весьма перспективный многоборец. Все еще готовится к бою неровно выступающий Малки: он то показывает отличную сумму очков, то выступает на уровне посредственных десятиборцев.

Еще в 1958 году вместе с Р. Джонсоном приезжал на матч в Москву Дейв Эдстрем. Ему было тогда 19 лет, и он сумел обыграть нашего Ю. Кутенко. Это был третий десятиборец, перешагнувший восьмитысячный рубеж, но Дейв получил травму и долгое время не выступал.

По последним данным, вероятнее всего от США будут выступать в Токио: ветеран десятиборья П. Херман, Р. Ходис и в недавнем прошлом шестовик Д. Джази.

Если десятиборцы США будут представлены в таком составе, то их шансы на призовые места невелики. Однако и П. Херман и Д. Джази окажут серьезную конкуренцию. Большинство обозревателей склоняется к тому, что золотую медаль смог бы завоевать К. Янг, если бы оказался в Токио. Его достижение прошлого года — 9 121 очко — говорит само за себя, однако, выступая в этом году, Янг набрал значительно меньше — 8 600 очков. Но так или иначе, владея техникой прыжка с фибергласовым шестом, Янг в настоящее время имеет большое преимущество в сравнении с другими десятиборцами. Правда, это преимущество временное, и, возможно, к Олимпийским играм некоторые десятиборцы в прыжках с шестом приблизятся к его результату.

Теперь настало время обсудить шансы десятиборцев объединенной германской команды. М. Лауэр еще в 1958 году приблизился к восьмитысячному рубежу. В Белграде, на первенстве Европы, В. Мольтке был очень близок к золотой медали, но Кузнецов на самом финише ушел на 4 очка вперед! Хорошее впечатление на белградском чемпионате произвел Ф. Бок. Он был третьим. Этот подающий большие надежды спортсмен местом своей подготовки к токийским Олимпийским играм избрал Калифорнию. Он там выступил не очень удачно — набрал всего 7 309 очков. Но с тех пор результаты его значительно улучшились, и на отборочных соревнованиях в августе он набрал 8 326 очков.

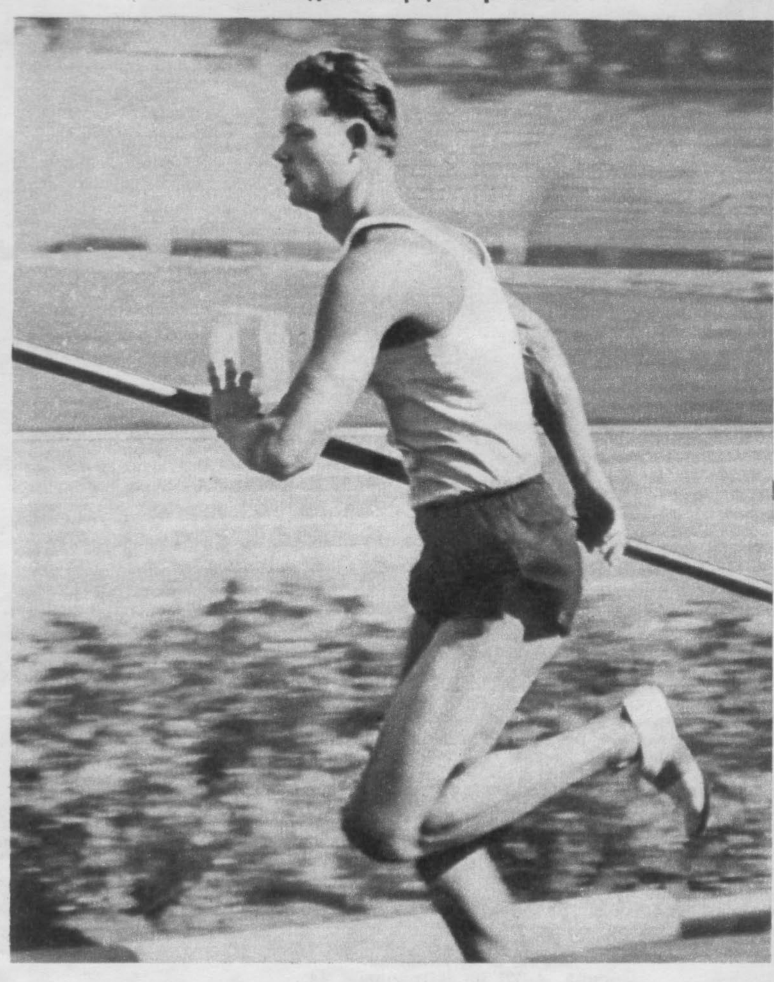
В прошлом году восьмитысячный рубеж (8 085 очков) перешагнул В. Холдорф. Это самый быстрый из немецких десятиборцев, однако его достижения в метаниях и прыжках в высоту оставляют желать лучшего. Надо сказать, что сейчас немцы располагают еще несколькими хорошими спортсменами. Среди них Х. Вальде.

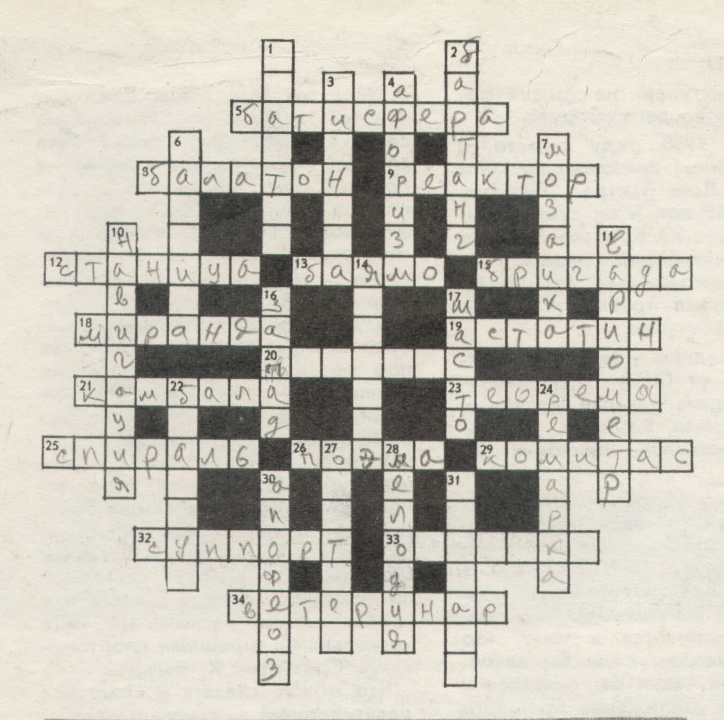
Что можно сказать о советских десятиборцах?

С В. Кузнецовым, трехкратным чемпионом Европы и двукратным олимпийским призером, мы уже познакомились. Он в неплохом состоянии, а в его бойцовских качествах никто не сомневается. Конечно же, за нашу команду будет выступать Михаил Стороженко: новый чемпион СССР завоевал почетное право на выступление в Токио, и серебряный призер чемпионата СССР Рейн Аун.

Разными путями движутся спортсмены к заветной цели — Токио. Чей путь прямее, точнее, сейчас установить невозможно, ответ на этот вопрос мы получим 20 октября, во второй день борьбы сильнейших десятиборцев мира на олимпийском стадионе.

Рейн Аун — всесторонний эстонский атлет — вошел в число сильнейших десятиборцев страны.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Камера для глубоководных исследований. 8. Озеро в Венгрии. 9. Атомный котел. 12. Селение на Дону, Кубани. 13. Город на Кубе. 15. Производственная группа. 18. Спутник планеты Уран. 19. Химический элемент. 20. Советский композитор. 21. Морская рыба. 23. Математическое положение, требующее доказательства. 25. Винтообразная линия. 26. Род литературного произведения. 29. Армянский композитор. 32. Часть токарного станка. 33. Птица отряда воробьиных. 34. Специалист по лечению животных.

По вертикали:

1. Советский живописец. 2. Река на Памире. 3. Раздел кибернетики. 4. Краткое изречение. 6. Оконная занавеска. 7. Изображение из цветных камней. 10. Сезон судоходства. 11. Прибор, определяющий скорость подъема и спуска самолета. 14. Пресмыкающееся. 16. Одна из четырех стран света. 17. Вулкан в Каскадных горах США. 22. Областной центр в Казахской ССР. 24. Примечания к тексту пьесы. 27. Немецкий физик. 28. Напев. 30. Заключительная торжественная сцена спектакля. 31. Персонаж фильма «Путевка в жизнь».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 38

По горизонтали:

3. Грибоедов. 5. Магний. 6. Асбест. 9. Миля. 10. Андреев. 11. Амга. 15. Гравюра. 16. Мичурин. 17. Катализатор. 20. Энцелад. 21. Камелия. 24. Елец. 25. Маслова. 26. Болт. 29. Оттиск. 30. Лошадь. 31. Гваделупа.

По вертикали:

1. Гигиена. 2. «Одиссея». 3. Гага. 4. Веер. 5. Малави. 7. Тамбур. 8. Кронциркуль. 9. Мороженое. 12. Анималист. 13. Арзамас. 14. Николаи. 18. Железо. 19. Бемоль. 22. Рассказ. 23. Автобус. 27. Итог. 28. Ваза.

На первой странице обложки: Елена Князева — самая молодая участница сборной команды Москвы по стрельбе из лука.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

На последней странице обложки: Баку. Вечером на Приморском бульваре.

Фото Г. КОПОСОВА.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-10; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00754. Подписано к печати 16/IX 1964 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 964 500. Изд. № 1383. Заказ № 2428.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В лесу еще стоит туман.

ПО ГРИБЫ

Жаркое нынче было лето...

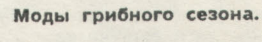
Грибники переживали, что не придется им побродить по лесу с корзинкой в руках. Но погода не подвела. В Подмосковье, под Ленинградом и в других областях прошли обильные дожди. Потянулись по лесным тропинкам любители белого крепкого боровика, стройного подберезовика, тонконогого опенка, рыжей лисички...

Наши фоторепортеры А. Бочинин, Н. Ананьев и художник Ю. Черепанов тоже бродили по лесам, но не только с корзинами, а с фотоаппаратом и карандашом...

◀ За тремя зайцами: не будет клева — постреляю уток, не повезет на дичь — поищу грибов.

— Никогда я еще не испытывал такого удовольствия от поездки за грибами.

Моды грибного сезона.

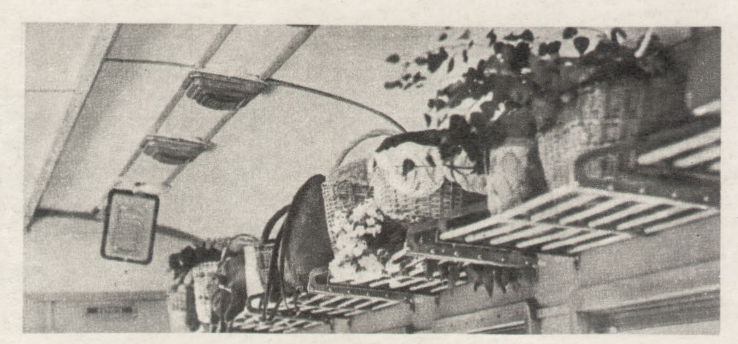
Эти вряд ли наберут полное ведро!..

Маленькая хозяюшка не теряет времени даром.

Каждый выбирает направление по вкусу.

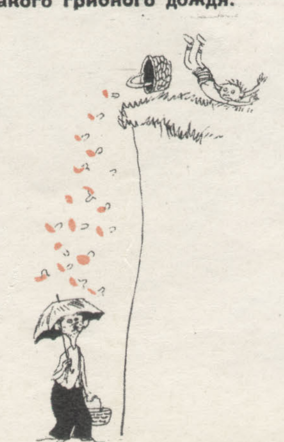

Домой возвращались с победой!

Сила привычки.

— За всю жизнь не видел такого грибного дождя.

Опять ты ходил за грибами?

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663